

Игры богов

Александр Золотько

Молчание бога

«Автор»

2006

Золотько А. К.

Молчание бога / А. К. Золотько — «Автор», 2006 — (Игры богов)

ISBN 5-17-038738-5

Игры богов закончились. Согласно Договору, Собиратели Силы покинули этот мир. Отныне люди свободны и могут играть в свои собственные игры. Или создавать новых богов, если старые – молчат. Однако даже бессмертные хранители Договора не могли себе представить, каких чудовищ способно породить Молчание Бога.

ISBN 5-17-038738-5

© Золотько А. К., 2006

© Автор, 2006

Содержание

I	5
II	25
III	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр ЗОЛОТКО

МОЛЧАНИЕ БОГА

Они могут сражаться в битвах Господа; воины Христа, они могут сражаться, будучи в полной безопасности. Пусть они убивают врагов или погибают сами, им не нужно бояться. Принять смерть ради Христа или покарать его врагов, в этом состоит одна слава, а не преступное деяние.

Св. Бернир Клервоский

От возбужденных людей не ждали, чтобы они хоть что-нибудь поняли... ожидалось лишь, чтобы они испытали определенное волнение и пришли в определенное состояние духа.

Аристотель

I

*Сегодня всему наступает пора,
Что бредом казалось вчера...*

Эмиль Верхарн

Безразлично, будешь ли ты наблюдать человеческую жизнь в течение сорока лет или же десяти тысяч лет. Ибо что увидишь ты нового?

Марк Аврелий

Особенно жителям Трех деревень нравились зимние шторма. Нет, сами в такую лихую погоду жители Трех деревень в волны не лезли. Ну разве что по колено. Или по пояс. Иногда могли и нырнуть с головой. Но всё это не ради удовольствия окунуться в морскую стихию. Удовольствия от зимнего купания жители Трех деревень не испытывали. А вот от результатов...

Чем хорош зимний шторм? А тем, что приходит он внезапно, бьет резко и приносит в результате неплохие доходы. Особенно у побережья Трех деревень. Чем обычно занимаются прибрежные жители? Ловят рыбу. В городах еще начинается морская торговля, извозом подрабатывают.

Иногда еще приморские жители прирабатывают на жизнь пиратством, но... Накладное это дело, мотаться по морям и по волнам за чужими кораблями, справедливо полагали жители Трех деревень. Мало того что рискуешь потонуть ко всем чертям, так еще и нарваться можно на какой-нибудь не такой корабль. Черт их разберет теперь – торговец плывет на Восток за пряностями, или он подрядился отвезти в Святую землю отряд крестоносцев. Вот так ворвешься на палубу с криками, размахивая кинжалами и топорами, а там – благородный сеньор в полном доспехе и еще сотня вооруженных уродов, собравшихся то ли пограбить язычников, то ли спасти Гроб Господень.

А что? Бывали такие случаи. Вон, в трех днях пути на север деревенька... Была деревенька. То, что от нее осталось, сейчас называют Мертвыми хатами. Ее жители сунулись вот так на пузатого двухмачтового торговца... Мало того что всех захваченных в плен участников абордажа повесили люди какого-то из герцогов, так еще и в деревню наведальсь сухим путем, чтобы под корень извести эту породу.

Жители Трех деревень того самого чужого герцога не особо и винили. Пиратство – дело обоюдное. Либо ты застал дурака со спущенными штанами, либо он тебе вставил по первое число. Что такое «по первое число», жители Трех деревень в большинстве своем не знали, но подозревали, что ничего приятного в нем нет. Глубоко.

Исходя из своего опыта и опыта соседей (бывших соседей), жители Трех деревень решили использовать старое, еще языческих времен, право на выброшенное на берег добро. То есть, пока купчина или даже сам герцог, хоть свой, хоть чужой, плывет на корабле по воле волн и ветра – пусть себе плывет. Но ежели корабль вдруг утонул, или просто сел на мель, или если мореходы, облегчая корабль, выбросили часть груза за борт – тут уж извини-подвинься. Все, что волной на берег выбросило, принадлежит тому, кто нашел. Например, жителям Трех деревень.

А море у их берега непростое, отмели и камни очень удачно раскиданы так, что и в хорошую погоду рулевому нужен глаз да глаз. А в погоду плохую рулевому – и всем остальным – следует не то что глядеть в оба, следует молиться не переставая и Господу, и всем святым.

Вот почему жители Трех деревень любили зимние шторма. И как их не любить? Скажем, подвернется под шквал лайба с Востока. Если из ее груза уцелеет треть или хотя бы четверть, на эти остатки все Три деревни смогут жить почти год. Пряность – она ой как ценится! А потому и дорого стоит. Если же с Запада корабль погибнет – тоже неплохо. Железо, одежда с утопленников, парусина, веревки... Да что там – половина домов в Трех деревнях построена из обломков корабельных.

Да...

Только сиди да жди.

Раньше, правда, времена поурожайнее были, рассказывали старики молодым. И кораблей вроде поменьше мимо них ходило, да попадали к ним чаще. Моряки эти как – плывут, значить, по морю, нос задрали, пусть, мол, за них ветер вкалывает... А как чуть заштормит, так тут же начинают по сторонам глядеть, в какую бы бухту забиться да переждать. А тут – огонек на берегу, да не один. Точно – прибрежная деревня или даже городок. Мореходы умные сразу за руль – и на огонь. Чисто комары ночью. Ну разве ж они знают, что между ними и кострами еще отмель и камни?

Вот и получалось: о камни – хрясь, мачты – хрусь, спасайся кто может! А куда спастись, если ночь, а до берега еще с полтысячи сажен, если же кому и повезет на берег выбраться... если повезет... то совсем далее и не факт, что не померет он в скорости... от простудной болезни... В этом месте старики обычно говорили туманно и торопливо, чтобы побыстрее перейти к перечислению богатств, выловленных из моря. Молодежь обычно всё понимала правильно: кладбище за холмом было большое, многолюдное. Это при том, что своих односельчан жители хоронили возле церкви прямо между деревнями. Церковь на все Три деревни была одна. С одной стороны, это выходило дешевле, а с другой – приходилось терпеть всего одного священника.

К священнику жители Трех деревень традиционно относились настороженно. Прийти в храм, бросить мелкую монету в кружку для пожертвований – это ладно, это пожалуйста. Еще, скрепя сердце, можно слегка исповедаться. В меру. Бог – он и так все знает, а пришлому священнику всего знать не положено. Тоже, придумали тайну исповеди! Жители честно применяли эту тайну на себя и понимали, что нормальный человек чужую тайну особо сохранять не станет. А ежели ему еще и огнем пригрозить, так сдаст всё и всех.

Церковь появилась в Трех деревнях лет тридцать назад. И первые ее священники, бедняги, коротали свободное время в одиночестве. Скучали здорово и все норовили отсюда сбегать. Некоторые и вправду умудрялись уехать с разрешения епископа, а некоторые тут, на кладбище, и остались. Кто помер от простуды, кому повезло меньше. Один упал со скалы, а

другой, не вовремя пришедший к бухте в самый разгар оказания помощи утопающим с очередного корабля, зрелища сего не выдержал и помер вскорости в подвале замка. Кстати, о замке.

Если зимние штормы жители Трех деревень любили, то замок, тот, что стоит на скале над бухтой, определенно недолюбливали. Замок...

Поначалу это была вроде как дозорная башня. От пиратов. Тех, что из Африки, а потом – и от северных тоже. Злобствовали морские разбойники несколько веков, посему в некоторых местах такие вот дозорные башни и поставили. Высоченные, из скальных глыб сложенные, с площадкой для костра на самой верхушке. Это чтобы в случае появления или, упаси Бог, нападения пиратов зажечь огонь и оповестить всех: пора бежать прятаться.

Хорошую башню построили, крепкую. Такую, что даже пиратам северным приглянулась. Они, стало быть, гарнизон аккуратненько вырезали, башню заняли, да еще и стену сложили так, чтобы отгородиться от берега. Там и стены-то понадобилось всего шагов пятьдесят. В ней, само собой, ворота проделали и пару небольших башен над воротами соорудили. Квадратных.

Пока местные хватились, уже не башня против пиратов оказалась, а вовсе даже замок. И пиратский. Их предводителя то ли Рыжим звали, то ли Рыжебородым. Ткнулось местное ополчение в стену, получило по зубам – и откатилось за холмы. А пираты Рыжебородого собрались было жить в замке долго и счастливо, да тоже, видать, просчитались.

Опять-таки, зимние шторма. Бухта у замка так себе: не защищает, если ветер прямо с севера, а совсем даже наоборот. Волны в бухте получаются вдвое выше, чем в море, и лупят аж до самых холмов. Вот из десятка пиратских кораблей только три и уцелело. Рыжебородый почесал в своей рыжей бороде и решил, что ну его к дьяволам, такое счастье. И уплыл.

Говорят, оставил он в замке тех, кто не вместился на те три корабля: обещал вернуться, да только вот не вернулся. Пираты посидели в замке, посидели, а потом куда-то исчезли. То ли вымерли от болезни, то ли еще что. И замок стоял пустой.

Долго стоял, деревенские на него даже и внимание обращать перестали, да только появился там барон, будь он не ладен.

Его имени даже не запомнили толком. Барон и барон, скотина благородная. В Трех деревнях до сих пор детей Бароном на ночь пугают.

И ведь поначалу все было путем. Приезжает Барон со своей дружиной и говорит: мол, нужна вам, мужичье, защита от разбойников, как морских, так и сухопутных. Ведь озоруют? Озоруют, подтвердило мужичье. Бывает. Как обоз шлём в город, чтобы найденное на берегу продать, так того и жди, что нападут. Чистое баловство.

Так я, говорит, барон, в замке поселюсь, и за чисто символическую плату буду вас от разбойников защищать. А что ему скажешь? Сам в железе и с мечом, мордоворотов у него почти сотня, харя к харе, да они ежели захотели бы в деревенских домах поселиться, кто бы им возразил? Барон в замке жил и поначалу вел себя если не хорошо, то как бы осторожно. Жадности особой не проявлял, к обозам своих дружинников приставлял: ездить стало и впрямь безопасней. Брал себе десятую часть от прибрежного улова деревень. А если что-то нужно было по замку сделать, деревенских звал. Поставили ему еще одну стену, за ней конюшни соорудили, сараи всякие, ров прорубили в скале так, чтобы только по подъемному мосту можно было к замку добраться. Вот когда ров в скале прорубали, первые ссоры и произошли. Не привыкли деревенские особо горбатиться. Да еще с камнем. Не гномы ведь, или там, тролли – люди все-таки. Но барон пару недовольных повесил на стене, и люди поняли, что шутить он не будет. Ров закончили. В ширину шагов двадцать и в глубину – до моря.

Но ведь как повалился волк...

А, говорит барон, не слишком ли жирно вам, морды селянские, девять десятых с добычи брать? И десятины хватит. А против силы не попрешь. Он уже дружину до трех сотен довел, лучников да копейщиков. И этих, как их, новомодных – арбалетчиков. Что ему скажешь? Стерпели.

И ведь годы ж урожайные пошли. То крестоносцы на Восток, то трофеи с Востока. И тебе шелка, и золото, и серебро... Деревенские кровавыми слезами плакали, когда все это богатство в замок относили. А кровососу все мало. Костры снова жечь велел. Даже сам по ночам на башне костер палил. Большой такой – поленница дров, да еще жир – горело так, что от Двух Островов видно было.

Ночи не было, чтобы какой корабль на скалы не налетел. И далее не в шторм. Бывало, корабль на камни сядет, люди с него на берег и бросятся, не слишком лее далеко, да и вода не так чтоб холодная, если летом или осенью. Десятками, бывало, на берег выходили. Тут их люди Кровососа и встречали. Мужчины, женщины... Хотя женщин не всегда сразу убивали, а бывало что и погода, через месяц-другой.

Благородные, простолюдины – все едино. Кровосос даже выкупа не брал. Зачем, чтобы кто-то знал о нем и о его небольшом заработке? И деревенские помалкивали. Знали ведь, что делится барон с кем надо, подбрасывает добра то епископу, то еще кому.

Тогдашний священник возмущаться стал. Увидел в бухте, как барон лично головы спасшимся рубит, пришел в сильное волнение, потерял осторожность – даже проклял Кровососа. Замучили священника в подвале замка, так что и не узнали деревенские, отменил священник свое проклятие или нет.

Так бы все и продолжалось, год за годом. Барон женился бы, сыночков завел... Но – не успел. Наверное, проклятие все-таки работало. Однажды в деревню пришел Хозяин.

Тут жители Трех деревень обычно в рассказах противоречат друг другу или путаются. Иногда до драки доходит. Жители Верхней деревни клянутся и божатся, что пришел Хозяин поначалу к ним, к дому Бабника. Нижняя деревня стоит на том, что Хозяин появился прямо на поляне перед хатой Злой вдовы, а Новая деревня готова головой о камень биться, что в дом Злодея постучал Хозяин, под самое утро. Еще даже солнце не встало. Только пошли коров доить, как постучал. А Злодей его прямо через закрытые двери матерно послал, думал, кто из соседей приперся с утра пораньше.

В одном согласны все жители Трех деревень – Хозяин привел с собой нового священника. Если быть точным, сам Хозяин был на коне, при шпорах, кольчуге и мече с копьём, за ним было два выучных коня и пять ослов. На одном из ослов был священник, в шерстяном плаще, мокром и заляпанном по краю грязью, по случаю ноябрьского дождя.

Хозяин сказал, что теперь у них снова будет священник, и еще сказал, что теперь у них снова не будет барона. И поехал к замку.

Деревенские посмотрели ему вслед с некоторым сочувствием. Приезжал тут как-то один бродячий рыцарь, молодой пацан, только, видать, цепь и шпоры получил. Поперся к замку вызывать барона на поединок, дабы защитить слабых и угнетенных. Прямо перед воротами его из арбалетов и луков и расстреляли. Замковые слуги потом божились, что десятка три стрел в мальчишку всадили, на спор, пока он не помер.

За Хозяином – тогда, правда, его так еще не называли, понятное дело, – увязалось несколько деревенских пацанов. Вот они-то потом и попытались рассказать, как все было. Им поначалу всыпали ремнем, чтобы не врали, а потом, прожив рядом с Хозяином первые годы, поняли, что правда о нем куда как фантастичнее любого вымысла. А история о том, как Хозяин Барона побеждал, стала самой любимой историей деревенской детворы.

Да и взрослые парни любили послушать об этом, сидя на прибрежной скале и поглядывая в сторону замка. А сиживать на этой самой скале приходилось парням регулярно. Каждую ночь. Особенно в зимнюю и, понятно, штормовую. Потому что Хозяин, хоть и запретил жечь обманные костры, однако кораблекрушения запретить не мог. Старинный обычай отменить он не то чтобы не мог, а просто не стал лишать Три деревни привычного заработка. Требовал при этом неукоснительно жизни спасшимся сохранять и даже помощь оказывать.

Вот и сидели наблюдатели на скалах, чтобы не прозевать людей и выброшенное на берег богатство. Сидели и мерзли, потому что жечь огни на скалах было запрещено категорически. И сколько бы ни надевали на себя дозорные, все быстро промокало от дождя и морских брызг. И оставалось парням только рассказывать друг другу разные истории, утешаясь тем, что первый нашедший остатки корабля имеет право выбрать себе любую вещь сверх своей доли.

Длинный, время от времени прикладывавшийся к кувшину с вином, прикидывал с самого захода солнца – может ли считаться мешок золота или сундук с драгоценными камнями одной вещью. С одной стороны выходило, что может, с другой – шибко умных не любили даже в родной деревне Длинного.

Двое других наблюдателей, Вдович и Заскока, коротали ночь, рассказывая друг другу всякие байки. И, естественно, дошли до истории Хозяина и Барона.

– И подъехал, значит, Хозяин к замку, – Вдовичу приходилось почти кричать, чтобы перекрыть рев штормящего моря, пытающегося проломить прибрежные скалы. – Остановился он возле того дерева, что на повороте. Там еще в позапрошлом году волк козу Плотничихи задрал...

– Это не волк задрал, это ты задрал, – не стерпел Заскока. – Какой там волк... Ваш Дедюк и зарезал козу. Еще и хвалился потом, что, мол, хороша дармовая козлятинка. Счастье его, что не потащила его Плотничиха к Хозяину. Он бы ему показал волка.

– Сам ты козел, – обиделся Вдович. – Сам посуди, зачем Дедюку коза, если у него самого...

– Это ты про Дедюка? – вмешался Длинный, услышав знакомое имя. – Тот еще урод. Долю ж получает с улова такую, как все, и на себя, и на двух сыновей, а ведь увидит, что плохо лежит и железными гвоздями не прибито, – обязательно стырит. Ему Кузнец обещал третьего дня шкворень раскаленный в задницу засунуть, если он еще хоть пылинку в кузнице стянёт.

Волна ударила в скалу, брызги хлестнули в лицо Длинному и собравшемуся возразить Вдовичу. Вдович закашлялся, Длинный отпил из кувшина, не предлагая остальным. Все они в Верхней деревне жмоты. Хотя, конечно, и Вдовичу с Заскокой никто не мешал запастись выпивкой на ночь. Не подумали.

– Оставил Хозяин коня у дерева, – продолжил Вдович, решив не спорить с напарниками, – и пошел к мосту.

– А мост, значит, опущенный был? – въедливо спросил Заскока. – В замке, на восходе солнца – и чтоб опущенный? Фигня. Ты помнишь, весной в город с обозом ходили? Так там ворота не открыли, пока солнце не взошло.

– Не к мосту, так к тому месту, куда мост, значит, опускается...

– Опускается... – передразнил Заскока, – К мостовой башне подошел, понял? Это так правильно называется, деревня...

Вдович прикинул, не врезать ли паразиту в рожу или, на худой конец, по ребрам, но сообразил, что драться на мокрой скале может выйти себе дороже, и решил проигнорировать явный наезд.

Выручил Длинный.

– Не хочешь, не слушай, – сказал он и похлопал Вдовича по плечу. – Валяй, ври дальше.

– Ври, – недовольным тоном огрызнулся Вдович. – Я рассказываю, как мне говорили...

– У них в Новой все такие невдалые, – снова засмеялся Заскока. – Мой брательник взял себе жену оттуда, дочку Одноногого. Так эта дура не то что работать – играть не умеет. Ни в бессвязные речи, ни в святого Куана. Только и знает, что моего брата за собой в холмы таскать. Я как-то подглядел, чем они там...

– А твой брат знает? – спросил вдруг Длинный. – Большой знает, что ты подглядываешь, как он со своей супругой в зверя о двух спинах играет?

Заскока закашлялся. Большой мог за такое и голову отвернуть, даже брату.

– Так что ты там говорил о Хозяине? – спросил Заскока очень заинтересованным тоном.

– То и говорю. Он вначале кулаком вынес двери в башне... этой... приворотной... примостовой... – Вдович даже застонал от своего бессилия вспомнить, как правильно называется эта треклятая башня.

– Мостовая башня, – подсказал Заскока, удержавшись от комментария.

– Ага. Вынес, значит, дверь, вошел, а потом крик там начался, лязг железа... Потом они все...

– Кто? – уточнил Длинный.

– Эти, стражники, повылетали наружу, кто живой еще, а кто уже... готовый. На крик из замка высунулись. А как увидели, что в башне только один, мосток верхний убирать не стали. А даже туда еще с десятков своих вояк послали, в башню. И когда Хозяин и тех – кого в ров, а кого просто вниз поскидывал, стали в него из луков и ар... арбалетов лупить. Так он все стрелы мечом отбил и в замок прямо-таки запрыгнул. – Вдович замолчал и высунул голову из-под капюшона.

Темнота, рев моря, удары воды о камни. И ледяной холод.

– Чего там? – насторожился Длинный.

– Показалось.

– А... Ну и что там дальше с бароном?

– Ничего. Потом уже к полудню Хозяин вышел к церкви, ударили в колокол, собрали всех из деревень. И он сказал... это... – Вдович задумался, вспоминая. – Всё, сказал, барона больше нету, теперь не нужно бояться человека с мечом. И что теперь он будет жить в замке, что костров больше жечь нельзя, ну и такое другое... Сказал еще, что просит о помощи, чтобы, значит, прибрали в замке. Наши пошли, чтобы, значит, посмотреть, как там оно. Батя мой пошел вот, так, говорит, после этого дня три есть не мог.

– Ага, ага, – поспешил подтвердить Заскока. – Моя мать там полы в зале мыла, в башне, на втором этаже. Кровищи, говорит, там было – страсть. Руки-ноги поотрубленные валялись, головы. Говорила, что три сотни зарыли потом за холмами.

– Да... – протянул Длинный.

Сам-то он Хозяина видел неоднократно и ничего страшного и особо удивительного в нем не разглядел. Если честно, то ничего такого. Человек и человек. Кузнец вон и повыше будет, и в плечах покруче. Да и сам Длинный, понятно, выше Хозяина почти на ладонь. Такой себе худощавый, на вид – лет тридцать. Только глаза... А так – увидишь такого и в жизни не поверишь, что он один положил три сотни тертых баронских дружинников. Длинный как-то видел, как на ярмарке рыбаки с побережья задрались с городскими лучниками – из-за проигрыша в кости. Рыбаков десятка полтора, а лучников то ли пятеро, то ли шестеро... Пока вмешалась городская стража – пятеро рыбаков померли.

Длинный стер воду с лица и посмотрел в сторону замка. Светилось окно на самой башне.

– А шторм вроде, того, стихает, – сказал Длинный.

– Похоже, – подтвердил Вдович.

Теперь можно было даже разговаривать, не особо надсаживая горло.

– Окно светится... – указал на замок пальцем Длинный.

Заскока и Вдович оглянулись. . – Ничего, – сказал Вдович, – с моря этого огня не видно.

– Я не о том, – мотнул головой Длинный. – Не спит. Я бы сейчас...

– То ты, – рассудительно сказал Заскока, – а то – он. Квод лицет, это... бови или йови...

Заскока иногда прислуживал нынешнему священнику, а тот позволял себе время от времени поупражняться в латыни, не брезгуя языческими высказываниями. Вот этим самым священник пользовался особенно часто.

– Че материшься? – поинтересовался Вдович. Тихим, нормальным голосом поинтересовался. Ветер совсем стих.

– Я не матерюсь. Это значит, чего положено... этому... Юпитеру, то ни в жизнь нельзя быку.

– Кому положено?

– Это значит, что Хозяину можно больше, чем тебе. Он вообще может неделю не спать. Когда он с обозом в город ездил вот весной, вспомни. Так ни разу и не уснул. Я вот иногда думаю... – Заскока понизил голос.

Разом как-то вдруг стало тихо. И в разрыве туч вдруг показалась полная луна. Как раз над замком. Словно кто-то здоровенный из-за облаков решил заглянуть вниз, в замок. Одним глазом.

– Я вот иногда думаю, – повторил Заскока, глядя на замок. – А может, он и не человек вовсе...

– Думает он, – проворчал Длинный. – Думает... Твою мать!

Длинный вскочил на ноги, больно ударив коленом Вдовича в плечо.

– Думает он, придурок! Смотреть надо! – Длинный ткнул пальцем в сторону моря. – Есть! Я первым увидел, первым!

За линией прибоя, саженьях в ста от берега словно появилась новая скала, отороченная пеной. Только все трое дозорных твердо знали, что скала там если и есть, то подводная. А громада эта – корабль. Долгожданная находка, прибрежный улов, принадлежащий тому, кто нашел. Трем деревням.

– Побежали на берег, – рванулся было Длинный, но Вдович удержал его за плащ.

– Убьешься, придурок. В замок нужно, Хозяину сказать.

– Успеем, – махнул рукой Заскока. – Успеем. Пошли глянем, что там принесло.

– И ведь главное, – усмехнулся Длинный. – И ветер закончился, и волны стихают. Целеньким будет корабль. Целеньким...

Это здорово, подумали все трое, осторожно спускаясь к бухте. Целый корабль. И груз целый. А если команда и пассажиры живы, то и ладно. Все равно, по обычаю, корабль принадлежит Трем деревням.

Снизу, от моря, зубцы замковой башни четким узором виднелись на фоне луны. Заскоке показалось, что между зубцами кто-то стоит. Парень остановился было, но его подтолкнул Вдович.

Стоял Хозяин? Заскока снова оглянулся, но прибрежная скала уже закрыла от него замок.

Хозяина на башне не было. Он сидел у камина и задумчиво смотрел в огонь. На соседнем табурете, укрытом ковром, сидел сельский священник, кутаясь в медвежью шкуру. В зале было холодно. Несмотря на декабрь и бурю, одно из окон не было закрыто ставней.

Священник потер озябшие руки и искоса посмотрел на хозяина замка. И вправду заснул? Или притворяется? Священнику иногда казалось, что хозяин замка относится к нему как к шуту, подтрунивая время от времени и ставя в неловкое положение. Главное – за что? Ничего плохого за пять лет службы в этом приходе священник хозяину замка не сделал. И далее не пытался. И... А о том, что священник регулярно отправляет в город письма с подробным описанием таких вот встреч, так этого не знает никто. Кроме самого священника, камня за дальним кладбищем и того неизвестного гонца, который раз в месяц забирает из-под камня послания святого отца и оставляет ему там же письма с инструкциями.

– Знаете, Хорек... – внезапно сказал хозяин замка, открывая глаза.

Огонь отразился в его глазах, и святому отцу показалось, что эти глаза светятся. Адским пламенем, чуть не пробормотал святой отец. На звериное прозвище он давно перестал обижаться. Он не давал разрешения называть себя таким прозвищем, да его никто и не спрашивал. Просто однажды хозяин замка поинтересовался, знает ли его гость, что прихожане называют его за глаза Хорьком? Святой отец кивнул, собрался было объяснить, что пакостная эта

кличка требует искоренения, но хозяин замка перевел разговор на другое, а потом оказалось, что иначе как Хорьком он святого отца не зовет. И возмущаться было совершенно бессмысленно. Тем более что и в инструкциях строго рекомендовалось не перечить этому странному... человеку ни в чем важном.

– Знаете, Хорек, – внезапно сказал хозяин замка. – А ведь вы совершенно напрасно тут тратите свои силы и таланты.

– Тут, это где именно? – осторожно поинтересовался Хорек. – В замке?

– Ну что вы, – усмехнулся Хозяин. – Какие таланты вы можете тратить в этом замке. Талант покушать, выпить, поиграть в шахматы? Поддержать беседу? Нет, тут вы никаких талантов не тратите. Тут вы их оттачиваете. И даже приобретаете новые. Вот, скажем, вы ловко научились делать вид, что вам не обидны некоторые мои замечания.

– Ну...

– А ведь обидно же, – Хозяин потянулся в кресле. – Но вы мужественно делаете вид. Эдакий многотерпеливый наставник... Или вот даже мудрецом прикидываетесь, мечущим бисер перед, извините, мной. А ведь бисер вы мечете не здесь, а вот там...

Хозяин указал пальцем в сторону открытого окна.

– В деревнях вы мечете бисер, в храме своем мечете... И вовсе не потому, что там живут свиньи или вы слишком уж тупы для своей службы... Да не спорьте вы со мной, – досадливо отмахнулся Хозяин, увидев, что Хорек хочет что-то возразить, – Не в вас дело. И даже не в них. Дело во всем этом...

Хозяин сделал движение руками, словно оглаживал невидимый шар перед собой.

– В этом мире все дело. В самой сути. Вы пришли к этим селянам и потребовали у них веры. Поверьте, сказали вы, и взамен получите царствие небесное. Что? Не так? А им оно нужно, это царствие небесное? Этим конкретным мужикам и бабам, которые если и молятся, то только о том, чтобы утонуло как можно больше кораблей... Царствие небесное... А что это такое? Там не работают? Так и они не работают. Делают что-то по дому. Они же прекрасно знают, что живут куда лучше, чем простолюдины на много дней пути вокруг, В Трех деревнях есть деньги. Деньги, святой отец. Вы знаете много сельских приходов, в которых на церковь жертвуют деньгами? Не пшеницей и вином, которые еще нужно будет продать, не овощами для святого отца или там жирными каплунами, а холодными гладкими монетами. И иногда даже серебряными. Серебряными! Вы сейчас много найдете свободного серебра вокруг? Даже в самом городе. Наконечники для стрел из серебра – да. Кинжалы из серебра – во множестве. Серебряные цепи, распятия – все что угодно. А вот монеты... Кстати, вы не задумывались, отчего так странно используют серебро?

Вопрос застал Хорьку врасплох. Он как раз собирался отразить нападки на царствие небесное, а тут...

– Что вы сказали? – переспросил священник.

– Я спросил, отчего люди... – Хорьку очень не нравилось, как Хозяин произносил это слово «люди», отстранение и с некоторой иронией, – отчего люди стали ценить серебро даже выше, чем золото.

– Нет, – пробормотал Хорек. – Отчего же... И поговорка, вот, слово серебро, а молчание золото...

– Вы уверены, что верно ее трактуете? – осведомился Хозяин. – Вы уверены, что слово дешевле, чем молчание?

Хорек закашлялся.

– Не напрягайтесь так, святой отец, – засмеялся Хозяин и налил вино в кубок. – Выпейте вот, согрейтесь.

Хорек выпил залпом.

– Поверьте, все окрестности, каждый свободный или зависимый крестьянин на много дней пути полагает, что именно тутошние жители умудрились построить царствие Божие на земле в трех деревнях. Они не сеют и не жнут, а получают все готовое. Остается только высушить и употребить. Не так?

– Нет, – выпалил Хорек. – Не так, ибо...

– Ага, – кивнул Хозяин, – вы мне сейчас про второе пришествие и верблюда с игольным ушком. А им нужно про полную миску, кусок мяса и не по праздникам, а каждый божий день. Хотя слово «божий» в данном контексте можно опустить. Каждый день. Их кормят, одевают... И заметьте, ничего взамен не просят. Разве что я запретил резать уцелевших в катастрофах мореплавателей.

– И это зачтется вам, как...

– Да идите вы, святой отец, со своими зачетами, – засмеялся Хозяин. – Мне селян жалко. Детвора с рождения мародерством живет. Так еще и убийцами после становятся...

– А ведь это смертный грех... – подхватил Хорек. Попытался подхватить, потому что Хозяин тут же поинтересовался:

– Для убитых?

– Для убийц, – святой отец поджал губы.

Эти разговоры балансировали на самой грани греха. Или даже висели уже за гранью, над бездной. Над геенной огненной.

Громко треснуло полено в камине, выбросив сноп искр. Хорек перекрестился и опасливо посмотрел на Хозяина.

– О геенне подумали? – спросил Хозяин. Хорек промолчал.

– Ничего, спишем этот грех на меня. Тем более что вы сами обещали: мне зачтется. Как говорил один мой знакомый – минус на плюс...

– Что, простите?

– Как бы вам это объяснить... – Хозяин постучал пальцами по крышке стола. – Берем грех и кладем его на весы.

Хозяин показал руками, будто кладет что-то тяжелое.

– Чашка опускается. Потом берем подвиг во славу Божию и кладем его на другую чашу. И они уравниваются, будто пустые, будто не было ни греха, ни подвига.

Хорек набрал воздуха в грудь.

– Не сдерживайтесь, святой отец, – сказал Хозяин. – Говорите.

– Мне кажется, – чуть дрожащим от напряжения голосом произнес святой отец, – что за те пять лет, которые мы с вами знакомы, вы постоянно отягощаете одну из чаш ваших весов грехами. И она уже сейчас опустилась до самой земли, и вы...

– Стоп, – Хозяин поднял указательный палец. – Давайте будет последовательны. Если на обычные весы положить очень много... пусть грехов, то рано или поздно чаша дойдет до самого нижнего положения и перестанет опускаться, что бы там ни наложили еще.

– Она может оборваться! – выкрикнул Хорек.

– Тоже верно, – согласился Хозяин. – И из этого следует, что не следует ни слишком грешить, ни особо совершать подвиги и благие дела. Вторая чаша ведь тоже может оборваться... Нет? А кроме этого, вы не думаете, что когда-то я совершил нечто, что в глазах Рима перевешивает все грехи, которые я смогу совершить?

Сказано это было очень серьезно, так, что желание возражать пропало у Хорька совершенно. Что он, в самом деле, знает о своем собеседнике? Даже имя свое тот ему так и не открыл. А в инструкциях, пусть и не сказано прямо, но так и сквозит между строк, что можно Хозяину многое, даже такое, что и представить страшно. Действительно страшно Хорьку, хотя повидал он многое в своей жизни. Страшно, несмотря на то что он точно знает, почему так ценится серебро нынче.

И, словно опять угадав его мысли, Хозяин именно в этот момент спросил:

– А вы помните, что сегодня первый день полнолуния?

Хорек перекрестился.

– Не бойтесь, святой отец, – сказал Хозяин. – Полная луна – это всего лишь полная луна. И был прав. Но только отчасти.

Полная луна. Боль, потоком льющаяся с небес, окрашивающая все вокруг в белый цвет. Камни возле дороги покрыты лунным светом, словно плесенью. Их тени извиваются и дрожат, словно пытаясь выбраться из-под ледящего давления лунного света. Скалы кажутся скользкими на вид, а дорога... Дорога словно вымощена серебряными слитками – жжет босые ноги.

Ноги. Ноги. Надо помнить, что это ноги, а не... Не смей, приказала она себе, даже вспоминать это слово. У нее есть ноги, и у нее есть руки.

Она посмотрела на свои ладони. В детстве гадалка долго рассматривала линии на ее руках, а потом молча встала и ушла. Неужели она поняла, что ждет ту девчонку? Какая из этих линий говорит о той осенней ночи? О том первом настоящем полнолунии? Эта, возле большого пальца? Или вот эта петелька на линии жизни?

В ту ночь все случилось первый раз. Луна вдруг плеснула ей в лицо свое ледяное молоко, и холод охватил все тело, сводя судорогой каждую жилку и каждый сустав. Стало так холодно, так безумно холодно, что...

Она почувствовала, как по телу пробежала знакомая дрожь. Не думай об этом. Не смей. Забудь, как тогда твое тело вдруг изогнулось, и сквозь кожу...

Не нужно думать об этом. Не нужно. Просто идти. Переставлять ноги по холодным камням старой дороги. И не смотреть на луну. Лучше бы совсем закрыть глаза, но тогда окружающий мир окончательно потеряет реальность – и наступит...

Не думать. Не думать об этом, а думать о монастыре. О старом монастыре в горах. И просто идти шаг за шагом по дороге, ведущей к нему. Сил хватит. Хватит... Она уже дважды проделывала этот путь. В первый раз она пришла к монастырю в полночь позавчера. И стояла на коленях перед монастырскими воротами, стараясь не касаться камней руками. Только на коленях. Она боялась, что если одновременно коснется скалы и коленями и руками, то не сможет... Не думать! Нельзя думать. Если ты хочешь, чтобы тебя приняли и защитили – нужно держаться.

И позавчерашней ночью, и прошлой было очень тяжело. Ей тогда казалось, что хуже уже не может быть. Казалось... Если бы она знала раньше, как будет тяжело в полнолуние... У нее могло не хватить мужества. И силы, чтобы пробираться мимо деревень и городов, чтобы каждый миг, каждый удар сердца держать себя в руках, бороться с голодом и с этим...

Холодно.

Она мельком взглянула на луну. Остановилась, потом медленно, с усилием отвела взгляд. Не смотреть, приказала она себе. Там, впереди, монастырь. Древний, как эти горы. Единственное место, где у нее есть шанс выжить. В долине ее ждет смерть. От серебра или от огня – смерть. Она видела, что делают люди, поймав такого, как она. Видела. Стояла на площади в толпе и смотрела. И слушала. И...

Она взглянула на свою левую ладонь. Она тогда чудом сумела прикрыть лицо от воды, которой окропил толпу священник. Подставила ладонь и смогла не закричать от огненной боли, пронзившей все тело. Если бы капля воды попала на лицо – ей не дали бы уйти с площади. Пузырящаяся язва выдавала бы ее. И тогда...

Проклятый лунный свет. Он залил все вокруг. Весь мир наполнен ядовитым сиянием полной луны, как чаша болью. И сквозь это марево нужно идти. Не думая ни о чем, кроме... Монастырь. И страшная фигура у его ворот.

Капюшон скрывает лицо. Ни единого движения.

Она стоит на коленях и просит... Просит, просит, просит... А он стоит перед ней молча и неподвижно. Она, кажется, кричала, просила, чтобы он впустил, чтобы помог спастись... А он молчал. Нельзя даже было понять – слышит ли он хотя бы одно слово. Понимает ли, что она говорит.

Потом он молча повернулся к ней спиной, скрипнули ворота... Она метнулась следом, ударила кулаком в створку... И страшная боль отшвырнула ее прочь. Руку обожгло.

Ворота были покрыты серебром. Насмешка? Или напоминание таким, как она, что через эти ворота можно пройти только с разрешения... Этого страшного безмолвного изваяния?

Она ушла и вернулась на следующую ночь. И снова человек в плаще с капюшоном был молчалив. И снова она ползала у его ног, извивалась на камнях, покрытым жалиющим лунным светом.

И тогда вдруг ударил колокол. Где-то совсем рядом. И боль скомкала ее и отшвырнула прочь. Бомм!

Не слышать этого, не слышать... больно... зачем... каждая капелька ее крови вдруг обратилась в расплавленное серебро, и все тело стало болью.

Бомм!

Зажать уши... Нет.

Она почувствовала на себе взгляд. Она прикусила губу... Не до крови, только бы не до крови... Встала на колени и замерла.

Бомм!

Боль кипела в ее жилах, бушевала и рвалась наружу криком.

Бомм!

И взгляд. Внимательный. Ожидающий. Она не чувствовала в нем жалости. И ей не нужна была жалость. Ей нужно было спасение.

Бомм!

Бесконечные удары колокола. Каждый из них тянулся бесконечно. И бесконечность сменялась бесконечностью. И боль перетекала из одной чаши в другую. И даже луна вздрагивала, когда колокол извергал очередной поток боли.

Ей тогда показалось, что она ослышалась. И он понял это. И повторил.

Завтра.

И в сердце что-то шевельнулось... Надежда? Нужно прийти завтра.

И она пришла... Идет... Неужели он не понимает, как ей трудно сейчас идти... Или он точно знал, что этой ночью пройти по дороге в скалах будет труднее... Гораздо труднее. Вчера ей казалось, что большей муки быть не может.

Может, сказала ей сегодня полная луна. Может, сказали молочно-белые скалы. Может, сказали камни мостовой.

Может, может, может, может, может, кричало сердце.

Последний поворот. Выбеленная лунным светом стена монастыря, похожего на крепость. И Он. Снова молча стоит перед воротами. Ждет.

Она приблизилась. Сделала три последних шага. Остановилась, бессильно опустив руки. Она уже не могла ничего ни хотеть, ни бояться. Все силы уходили на борьбу со своим телом. Лунный свет просочился сквозь ее кожу, смешался с кровью.

Не было сил даже на то, чтобы просить. И снова всплыло видение из детства: она тонет в озере, небольшом озере за деревней. Тогда она еще жила с людьми. И тогда она еще не боялась полной луны. Она купалась в озере и вдруг почувствовала, как силы оставили ее, как холод впился в ноги и потащил на дно. До берега – рукой подать. И на берегу стоит человек. И смотрит в ее глаза. А она не может даже крикнуть, не может позвать на помощь.

Вот как сейчас.

Тогда прохожий протянул ей руку и вытащил на берег. Сейчас...

Стоящий перед ней шевельнулся. Он действительно протянет ей руку? Он...

Влажный шлепок о камни. Запах. Ей не протянули руку, ее оттолкнули от берега.

Кусок мяса, сырого, пахнувшего безумием, истекающего кровью.

Запах. Пар над мясом, словно остатки жизни все еще продолжают вытекать из него.

Кровь.

И внимательный взгляд из-под капюшона. И полная луна.

Озноб пробежал по позвоночнику, от крестца к затылку, к плечам, по рукам до кончиков пальцев. И она уже ничего не могла сделать. Мостовая вздыбилась. Кровоточащее мясо приблизилось к самому лицу.

Зуд по всей коже. Боль в кончиках пальцев. И...

Нет! Она даже, кажется, выкрикнула это. Нет! Нет!

Выпрямиться. Встать и выпрямиться. Отвести взгляд от крови и посмотреть ему в лицо.

Встретить его выжидающий взгляд.

Она не станет. Она сможет...

По лицу текли слезы. По лицу. Она посмотрела на свои руки. Руки... Это все еще руки.

И...

Он отступил в сторону.

– Входи, – сказал он.

Входи, закричали скалы, содрогнувшись. И луна качнулась от этого крика.

Входи.

Еще не веря себе, не имея силы поверить, она шагнула к воротам, переступив через кровь.

Ворота.

Она протянула руку. Замерла.

Серебро.

Ворота покрыты серебром.

Нужно взяться за кольцо и потянуть на себя. Взяться за серебряное кольцо и потянуть на себя.

Она посмотрела на свои руки. Они еще помнили вчерашнюю боль. Тогда она просто ударила кулаками в ворота. И отлетела прочь. Сейчас...

Она снова протянула руку к кольцу, дракону, вцепившемуся зубами в свой хвост. И почувствовала, как потянуло от кольца... жаром?... холодом? Болью потянуло от серебряного дракона.

Пальцы сжались.

Она схватила дракона за скользкую шею, будто хотела его задушить. Он последний остался на ее пути. И она не позволит дракону остановить себя.

Кожа на ладони покрылась волдырями, которые тут же лопнули.

Створка ворот была тяжелой.

Это дракон терзает ее руку. Он не хочет, чтобы она вошла внутрь. Чтобы она обрела спасение в этой древней крепости, которую сейчас называют монастырем.

Сзади, в долине – смерть. Впереди – спасение. Даже не само спасение, а надежда на спасение. И между ними боль. Серебряный дракон.

Она закричала, вцепившись обеими руками в кольцо.

Створка подалась, открывая проход в темноту, туда, куда не попадал лунный свет.

Когда ворота монастыря закрылись, откуда-то из-за скал выполз волк. Он был громадным, этот волк, но столько было в его теле страха, так неуверенно он двигался по камням, что казался маленьким и тщедушным.

Волк осторожно ступил на освещенную луной площадку перед воротами, опустился на брюхо и пополз, поскуливая то ли от страха, то ли от голода.

Волк подполз к мясу, осторожно обнюхал его, оглянулся на монастырь. Верхняя губа волка задрожала и поднялась, обнажая клыки. Ненависть? Разочарование?

Волк взял мясо в зубы.

Кровь потекла по языку. Волк медленно двинулся по дороге вниз. Только спустившись почти до самой равнины, волк позволил себе остановиться и съесть мясо.

В монастыре ударил колокол.

Волк вздрогнул и замотал головой. Потом посмотрел в сторону монастыря, перевел взгляд на луну. Горло напряглось, спина выгнулась, словно что-то надавило волку на спину... Вой потянулся к небу, к луне, потянулся и бессильно упал в темноту, оборвавшись внезапно.

Волк побежал прочь от скал, держась так, что луна светила ему в спину.

Полная луна.

– Полная луна, всего лишь полная луна, – сказал Хозяин, подходя к открытому окну. – Символ, если хотите.

Хорек молча налил себе вина. Молча выпил. Хозяин продолжал смотреть в окно, словно ожидая ответа.

Не хочу, подумал, святой отец. Не буду. Он хочет, чтобы я снова возразил, и снова попал в ловушку. Ему скучно, он развлекается. Он пригласил Хорьку к себе в гости, затеял этот нелепый, ненужный разговор, похожий точь-в-точь на предыдущие своей нелепостью и греховностью. Да, греховностью.

Вдобавок Хорек не выспится этой ночью. И завтра будет сонным и косноязычным. А Хозяин будет... Неизвестно, что будет делать Хозяин. Он может завтра с утра отправиться куда-то в дальний лес, а может весь день простоять на башенной площадке... А может просто закрыть ворота и сутки-двое-три не выходить из замка.

Ему хорошо вот так стоять у окна и нести околесицу. Хорек еще не понял, что выпитое ударило ему в голову. Просто мысли стали яркими и обидными. А еще придется утром сидеть и писать отчет об этой беседе, вспоминать подробности: что и как говорил Хозяин... Кому-то в Риме это интересно... Кто-то жаждет знать о каждом слове этого странного обитателя замка. С каким большим интересом прочтает не известный Хорьку адресат о том, что, по мнению Хозяина, полная луна только символ.

– Чушь! – не выдержал, наконец, Хорек. – Вы же прекрасно знаете, что творится в полнолуние. Мы же вместе с вами выезжали в ту деревню... На берегу. Там еще оборотень напал на обоз. Вы же сами... Вспомните! Ничего себе символ! Да сейчас, наверное, по всей... по всему миру сотни и тысячи продавшихся дьяволу, извиваясь и вопия, покрываются шерстью. Как тот, в деревне... вспомнил, в Дубах. Вы сами видели... И десятки отрядов, осененных крестом, именно сейчас охотятся на эти исчадия Ада.

Хорек снова налил себе вина.

Хозяин отошел от окна и прошел к камину, бросил в огонь несколько поленьев.

– Сотни и тысячи... – сказал Хозяин. – И десятки осененных отрядов. Ловят оборотней, протыкают их серебром, жгут огнем и заливают святой водой. И с ними бог...

– Да, с ними Бог! – закричал Хорек.

– Тысячи оборотней и десятки отрядов. В полнолуние, – Хозяин вернулся на свое место возле стола. – Вы считать умеете, святой отец?

– Пере... представьте себе, – сказал священник. – Умею. Или вы полагаете, что имеете дело с неучем?

– Отчего же? Не с неучем, хотя латынь ваша оставляет желать лучшего. В падежах. Вы постоянно путаете окончания... хотя это не важно сейчас. Вернемся к арифметике.

– Вернемся, – обиженным тоном согласился Хорек. Падежи ему не нравятся... Хотя этот грех у Хорьки был, и всё никак не удавалось от него избавиться.

– Тысячи оборотней, – сказал Хозяин.

– Да.

– Десятки отрядов.

– Десятки.

– Оборотня можно ловить только в полнолуние.

– Ну... – пожал плечами святой отец.

– Да, конечно, можно и в обычные дни, но как вы определите, оборотень он или нет? –

Отсветы пламени играли на лице Хозяина, словно перемешивая на нем черты. – Только в полнолуние они себя не контролируют. Так что, в лучшем случае – двух-трех оборотней в месяц могут уничтожить эти ваши отряды. Отрядов десятки, оборотней – тысячи. И если такой отряд охотников оборотня настигает, то вовсе не понятно, кто чьи уши отрежет. Сколько отрядов церковь потеряла на вашей памяти?

– Пять. За два прошлых года – пять, – ответил Хорек.

Перед глазами у него начинало плыть.

– А в этом году? – спросил Хозяин.

– Не знаю, – честно сказал Хорек. – Два-три, наверное...

– Вот и получается, что полная луна – только символ, – подвел итог Хозяин. – Символ человеческой слабости. И безысходности.

Хорек помотал головой. В ушах шумело.

– Вы рассказываете людям о Боге и обещаете Царствие Божие, а люди не видели Бога, они видят только друг друга и своих добрых господ. Оборотни жрут людей, а еще есть ведьмы, колдуны, маги, упыри... – а вы всё обещаете и обещаете. И спасение к селянам приходит не с неба, а от провонявших потом и прокисшим вином охотничьих отрядов, которые, уничтожая нечисть, уничтожают еще припасы и выпивку в деревнях, обрывают юбки у баб и девок, да еще и с удовольствием пускают в ход свое освященное оружие против мужиков, которым это не нравится... – Хозяин говорил холодно, как бы отстраненно.

– Деяния Врага рода человеческого... – пробормотал священник. – Попущением Господним...

– Ага, – легко согласился Хозяин. – Попущением. Мы с вами исколесили округу в поисках чуда. Вы ко мне, святой отец, и приставлены для того, чтобы сопровождать меня, когда я отправляюсь к месту, где, по слухам, совершилось чудо. Выздоровление, прозрение, видение, спасение... И сколько мы с вами нашли настоящих чудес? За пять лет, святой отец. И с вашими предшественниками за долгие-долгие годы.

– Ну... – протянул священник.

– Ни одного, – сказал Хозяин. – Ровным счетом. Либо сумасшедшая девка рассказывает, как к ней спускался ангел небесный, либо настоятель монастыря принял меры к увеличению числа молящихся, либо просто откровенный мошенник выкачивал у простачков добро, обещая спасение и лечение. Тысячи происков дьявола и ни одного чуда.

Хорек качнул головой. Хозяин был прав. То, что Рим признал некоторые из этих чудес настоящими, не меняло ничего. Может быть, другим везло больше, но то, что видел Хорек, путешествуя пять лет вместе с Хозяином, которого вне Трех деревень называли Серым всадником, не могло не огорчать.

– Но знаете, что самое страшное? – спросил Хозяин.

– Что?

– А то, что и происков дьявола мне не удалось найти, – печально сказал Хозяин.

– Это вы бросьте, – погрозил пальцем Хорек. – Я пьян, но не настолько. Вы сами только что сказали...

– Оборотни, маги, колдуны, упыри? – спросил Хозяин.

– Да.

– Они были уже тогда, когда Бога еще не было, – тихо сказал Хозяин.

Хмель куда-то вылетел из головы священника.

– Вы сейчас...

– Богохульствую?

– Именно. Бог был всегда...

– Если бы вы были правы, – почти прошептал Хозяин. – Если бы вы были правы.

И столько в этом голосе было искренней печали и даже тоски, что святой отец ничего не сказал в ответ. Он потрясение молчал, теребя нагрудный крест.

– Наверное, вам пора спать, – вставая с кресла, сказал Хозяин.

Но, видимо, не суждено было священнику в ту ночь заснуть.

От замковых ворот послышался грохот – кто-то колотил молотком в бронзовую доску, вывешенную возле моста. И не перестал этого делать, пока Хозяин, выйдя из замка, не отобрал молоток у него из рук. Присмотревшись, Хозяин узнал Длинного.

– Что случилось? – спросил Хозяин.

– Это... – сказал Длинный. – Т-там...

Он сглотнул слюну и оглянулся в сторону дороги, ведущей к бухте. Глаза парня блуждали, словно боясь увидеть что-то страшное, губы дрожали.

– Ну?

– Корабль... на Черной скале – корабль. И... Я первый заметил... мы с Заскокой и Вдовичем сегодня... на Дозорной... и я увидел... как раз луна... ветер затих... смотрю – корабль... стоит... и целый, главное... я говорю, пошли, глянем, а Заскока... или Вдович... кто-то, в общем, говорит, в замок надо... а потом глянем, говорит... мы пошли... оно уже светло от луны... и море сразу у-успокои-лось, мы к самому кораблю по камням и подошли.

Длинный вдруг сел прямо на мокрые камни, прижал кулаки к щекам и заговорил торопливо, словно боясь, что его перебьют.

– Целый корабль. Его как подняло волной и посадило дном на Черную скалу. Он ровно сел, чисто. Мачта только одна сломанная, на канатах весела, мы и полезли... Светло ведь... По канатам. А на палубе... На палубе... никого нет. Только из трюма – крышка открыта – свет, значит, факелы. Вдович туда пошел, а я к корме, к каютам... и Заскока со мной... это, значит, нам-то хозяева корабля зачем? Теперь уже все наше... И дверь в ка-каюту открыта... Смотрю – лежит кто-то... Думаю, чего лежит, не утонул ведь корабль. А он лежит, я до него дотронулся, а он еще теплый, только... мертвый только, и в спине у него рана... И дальше еще лежат... я видел человек пять... – Длинный посмотрел на свою растопыренную пятерню. – Пять. Мы дальше хотели идти, а тут крик с палубы... Вдовича... Только тонкий такой и жалостный... как у зайца подраненного... Заскока говорит, что-то там случилось... мы на палубу, к трюму, глядь, а там... сразу под люком... Вдович... живой еще, но в луже кровищи и... это... живот распорот, как у рыбы потрошенной... Факела два горят, воткнуты, видно, хорошо. А вдоль борта люди сидят... лежат... в колодках... и все... горло у всех располосовано. У каждого. И кровь везде... И чего туда Вдовича понесло, чего он полез?

Длинный посмотрел снизу вверх на Хозяина, потом на священника, который стоял у того за спиной.

– Меня как громом ударило, – дрожащим голосом пробормотал Длинный. – Стою так, смотрю, а потом Заскока вот...

Длинный протянул руку, показывая, как близко от него стоял приятель.

– Заскока вдруг всхлипнул так, оби... обиженно, я на него глянул, а у него из груди с ладонь лезвия торчит... и даже вроде как дымится... а за спиной – словно тень какая... Я на лезвие смотрю, а с него кровь так – кап-кап-кап... и Заскока вроде как дернулся раз, другой, а лезвие дымится и вроде как опускается... А это тот, который сзади, кинжал дергает, вынуть хочет... Застрял кинжал... Длинный вдруг хихикнул:

– Кинжал застрял, Заскока костлявым оказался. Тот кинжал дергает, а вытащить не может, а Заскока в трюм валится и кинжал за собой тянет.

Длинный засмеялся в полный голос. По лицу потекли слезы. Длинный ударил себе по лицу. Еще раз. С силой ударил, так, что губа лопнула, и потекла кровь.

– Застрял! – сквозь рыдания выкрикнул Длинный. – В костях застрял.

Священник перекрестился.

– Соберите людей, – сказал Хозяин.

Священник не ответил, глядя застывшим взглядом на кровь, стекающую по лицу Длинного.

– Я к вам обращаюсь, святой отец, – повысил голос Хозяин, и священник, вздрогнув, кивнул. – Заберите парня к себе, ударьте в колокол, соберите людей. Пусть они идут на корабль, может, кто-нибудь остался живой. И пусть ждут меня к рассвету у церкви.

Священник снова кивнул.

– Вы меня поняли?

– Ждать у храма, – сказал священник.

– А я убежал, – кривя губы выкрикнул Длинный, – прямо в море прыгнул за борт. И к берегу. И сюда. А он... Он тоже с корабля ушел, к холмам.

Хозяина рядом не было. Он словно исчез в сумраке. Священник взял Длинного за руку и повел вниз, к деревьям.

Луна бесстрастно наблюдала за всем происходящим, улегшись на гребень скалы. Ей было все равно. Ей было все равно, что там, в мире, освещенном ее светом, делают людишки, было совершенно безразлично, что они списывают на нее чужие грехи, что называют ее то злом, то просто символом.

Ей было наплевать, что поднятые ночным набатом жители Трех деревень пришли с факелами к кораблю, что, обыскав его, деревенские жители нашли полторы сотни мертвых тел, закованных в колодки, и еще три десятка убитых на палубе матросов из команды.

Луна видала и не такое. И давно разучилась удивляться или пугаться. Сверху, с неба, все выглядело мелким и ничтожным. Три крохотных кукольных деревушки, шахматная фигурка замка над впадинкой бухточки.

Полторы сотни зарезанных... Если бы у луны были плечи, она бы ими наверняка пожалала, увидев, как чуть в стороне от Трех деревень, всего днях в двух пути для людей, волк рвал горло двенадцатилетней девчонке, ничего не замечая вокруг, не замечая даже людей, бесшумно окружавших поляну, на которой пировал зверь.

О том, что девочке придется умереть, все знали еще с утра. Им об этом сказал Ловчий. Никто и не возражал. Разве что мать немного помялась, прикидывая, что можно из всего этого выторговать для себя и остающихся детей. Многодетным вдовам приходится думать о детях и многим жертвовать ради них.

Оборотень пришел к деревне месяца три назад. За это время успел зарезать с десятков коров и двадцать четыре человека. Большей частью одиноких путников, но и семерых деревенских тоже не помиловал.

Неделю назад в деревеньку прибыл охотничий отряд во главе с самим Ловчим. Вместе с отрядом прибыл какой-то монах и человек от графа. Ловчий и его люди всю неделю шастали вокруг деревни, а сегодня утром Ловчий что-то сказал графскому посланцу, посланец вызвал к себе местного старосту, тот, внимательно выслушав, назвал Паучиху и ее дочь. Одну из девяти.

Привели в дом старосты Паучиху. Дом был лучший в деревне, полностью из дерева, а не глиняный, как у остальных, было две комнаты, в одной, повинаясь окрику старосты, спрятались его домашние, а в другой состоялся разговор с Паучихой.

Ловчий молчал, сидя на ларе возле единственного в доме окна. На скамейке, возле противоположной стены, сидели монах и посланец графа, молодой оруженосец, кажется из простолюдинов. В этих местах выходцы из деревень еще имели шанс за особые заслуги получить рыцарство. И парень очень хотел заслужить. Особые. За поимку оборотня. В последнее время пришел приказ от епископа: оборотней, ведьм, упырей и прочую нечисть не уничтожать, а ловить по возможности и доставлять епископу. И награда за это была достаточно большой, чтобы заставить охотников рискнуть. Хотя как раз Ловчий за деньгами и не гнался.

Ловчий сидел на ларе, покрытом сплетенной из толстой шерстяной нити попоной, и ждал, пока староста выпутается из начала своего выступления и перейдет к делу. Дело, если вдуматься, было обычное и житейское. Имелся оборотень и надвигающееся полнолуние. Некоторые ученые в городах полагали, что оборотень превращается только в полнолуние и само превращение от него не зависит. В полнолуние – да. Не зависит... или почти не зависит, а вот в обычные дни оборотень сам решает – человеком ему ходить или зверем. И пусть эти умники говорят, что им угодно, Ловчий знает точно. За последние годы он насмотрелся этого зверья предостаточно. И охотники его отряда разобрались с несколькими десятками оборотней.

И еще Ловчий знал, что в полнолуние оборотень не сможет противиться запаху девственности. Как единорог. Тот, бедняга, услышав редкий аромат, выходит и кладет голову на колени девице, а оборотень... Приблизительно то же самое. Только заканчивается кровью. И пока оборотень не насытится – он ничего не слышит вокруг себя. К нему нужно просто подойти и набросить веревку с вплетенными серебряными нитями.

Нужно также уговорить Паучиху.

В селах найти девицу трудно. А найти такую, чтобы она пошла к ночи в лес... Третья дочь Паучихи, пожалуй, согласилась бы. Что-то у нее было с головой не в порядке, настолько не в порядке, что на нее, на Паучихину дочку, даже никто из местных парней не позарился.

– Значит, баба, то есть, это, – сказал староста. – Нужно за мир пострадать, за всю деревню. Он же, проклятый, уже десяток коров задрал, ну и людишек тоже жалко, даже этих, пришлых. А твоя дура...

– Не дура она, – запричитала Паучиха, не меняясь в лице. – Задумчивая она у меня, красавица. Задумчивая.

Ловчий вспомнил пустые глаза девчонки и ниточку слюны в уголке рта и посмотрел на графского оруженосца. Тот только пожал плечами. Свет из единственного окна узким лезвием прорезал сумрак комнаты, освещая положенную вместо стола на козлы старую дверь, остатки еды и сено, которым был устлан пол.

– А мы тебе за это... всем миром, общиной, значить, – староста почесал в затылке.

Много обещать не хотелось, сколько там могла стоять смерть этой дурочки, но что-то отдать придется.

– Кто ж мне поможет, кто за младшенькими присмотрит, в старости мне воды подаст! – с неподвижным лицом заголосила Паучиха и прижала край платка к сухим глазам. – Коровку бы мне... Две. Мои младшие так молочко любят...

Ловчий закрыл глаза. Захотелось сплюнуть, но Ловчий решил сдержаться. Он так и не смог свыкнуться с нынешней простой манерой вести себя хоть в хижине, хоть в замке.

– Да ты что, баба! – всплеснул руками староста. – Две коровы! Да за две коровы, то есть, и тебя и пащенков твоих можно в супе сварить.

– А ты нас не вари, не надо! Я свою девочку за просто так не отдам. Я свою кровинушку...

– Ты свою кровинушку, – вмешался в разговор монах, – отправишь сегодня к вечеру в лес. За хворостом. Или...

– Да к бабке, то есть, пусть и отправит. Та на выселках, это, живет. К ней если идти – как раз через лес, – сказал староста. – Так Паучиха сама и гоняет дурочку свою, то есть дочку, к бабке, то репы отнести, то хлеба...

- Маслица в горшочке, – зачастила Паучиха, – пирожков. Я свою маму...
- Вот и отправишь, чтобы дочка ничего не заподозрила, – сказал монах. – А тебе за это...
- Две коровы, сукна на одежду для деток моих, и...
- Всего ты получишь десять золотых, – сказал монах и взглянул на оруженосца.

Тот согласно кивнул. Граф деньги на богоугодное дело предоставил. А десять золотых – громадные деньги. Это поняла и Паучиха, поэтому прервала причитания и деловым голосом потребовала, чтобы масло и пироги были также предоставлены общиной.

– Нету у меня маслица сейчас, и мучица закончилась, – грустным голосом пропела Паучиха и протянула руку. – А денежки, значит, вперед. Они мне душу согреют и силы поддерживают, когда я миленькую свою буду на верную смерть в холодный лес к голодному волку посылать.

Ловец встал и вышел, не прикрыв за собой дверь. Сзади звякнул брошенный на пол мешочек с деньгами.

Мясо в капкан положено. Теперь нужно подготовить охотников.

Все шло гладко. И все могло гладко закончиться. Девчонка пошла после заката с корзинкой к бабушке, не почувствовав ничего опасного в виноватой суетливости матери. Охотники шли за ней следом, весь десяток, полукольцом, держась так, чтобы слышать девчонку, но не попасть ей на глаза. И оборотень вначале почуял дурочку и больше уже ни о чем думать не мог...

Ловчий не слышал девичьего вскрика, сразу послышалось рычание и чавканье. Оборотень безумствовал на поляне, залитой кровью. Можно было просто... Если бы оруженосец не поперся за своим подвигом. Нужно было чуть подождать, дать оборотню вьестись в пьянящую плоть, и только когда отяжелеет он от съеденного... Или хотя бы, решив набросить петлю, сделать это быстро, а не замереть потрясенно при виде пирующего зверя, как замер оруженосец, будущий рыцарь, защитник церкви, мать его так.

Уже поняв, что все пошло наперекосяк, Ловец метнулся через залитую лунным светом поляну, вскидывая для удара кинжал, уже рванулись, не таясь, треща кустами, остальные охотники, поднимая арбалеты, осознав, что живым оборотня не взять...

А оруженосец стоял столбом, с петлей в опущенной руке, потом его вдруг согнуло...

Маменькин сынок, успел подумать Ловчий, когда оруженосца вырвало. Острый, чужой запах.

Оборотень прыгнул без раздумий. Удар клыков пришелся в предплечье оруженосца. Зверь мотнул головой, и жертва его отлетела в сторону, как кукла.

Щелкнула тетива арбалета.

Оборотень взвыл, падая на бок, пытаясь зубами достать серебро, впившееся в бок. Еще три стрелы впились в брюхо. Это была смерть. Шансов уйти не было. Оборотень перестал биться на заледеневших пожухлых листьях и прыгнул на своих врагов. На одного из них. Больше до смерти он ничего не смог бы сделать, а вот забрать с собой еще одного...

Жертва была выбрана неправильно. Ловчий.

Он уже в полете вцепился левой рукой в глотку громадному зверю и, даже не покачнувшись, всадил кинжал в брюхо оборотню. Снизу вверх. И оборотень, громадная мускулистая туша, способная в броске проломить саманную стену деревенских домов, обвис на руке опустевшим враз мешком.

– Да, – уважительно сказал кто-то из охотников, кажется, Левша. – Если бы я сам не увидел – ни в жизнь бы не поверил.

Ловчий бросил мертвое тело на землю. Отвернулся. То, как оборотень превращается после смерти в человека, вызывало у Ловчего отвращение.

Оруженосец застонал. Странно, подумал Ловчий. Подошел к лежащему на листьях парню. Кожаная куртка была разорвана, рука висела на лоскутах кожи. Кровь текла, не переставая.

Откуда-то из темноты вынырнул монах.

– Причасти его, – сказал Ловчий.

Оруженосец был еще жив, что-то пытался сказать.

Монах опустился возле него на колени. Ловец глубоко вздохнул и поднял голову к небу, посмотрел на луну. Глупо. Столько лет потрачено на такую вот ерунду, вместо того чтобы искать первопричину. Чтобы найти разгадку того самого важного вопроса.

Бросить все, наплевать на Договор, на обещания, на потраченное время – и уйти. К единственному другу, который остался у Ловчего с очень давних времен. Говорят, его сейчас называют Хозяином. Серый всадник звучало лучше. Серый. Не белый и не черный.

Что-то невнятно сказал монах. Не оборачиваясь, взмахнул рукой, попал Ловчему по колену.

– Что там? – спросил Ловчий.

Монах молча указал пальцем на рану оруженосца. Так, подумал Ловчий, у них все-таки появился шанс привезти в замок живого оборотня.

Кровь перестала вытекать из раны, запеклась, а оруженосец дышал мелко, часто, но – дышал. Вот такие дела, подумал Ловчий. Кинжал он все еще держал в руке.

Монах встал с колен, отряхнул одежду и посмотрел в лицо Ловчему.

– Иди, – коротко бросил Ловчий. – Он умер в бою. Сразу.

– В бою, – сказал монах. – Он героически дрался. Ловчий не любил монаха, но знал, что тот слова не нарушит, что понимает – так надо. Иначе – нельзя.

Нельзя. Ловчий шагнул вперед, опускаясь на колено, левой рукой прикрыл глаза оруженосца, а правой, державшей кинжал, провел по горлу. Тело забилося. Ловчий взмахнул оружием, отрубая голову. Встал, вытерши лезвие об одежду убитого.

Никто из охотников не сказал ни слова. Они просто не заметили ничего. Все они почему-то в тот момент были заняты своими делами. Все произошедшее осталось между Ловчим, монахом и оруженосцем.

– Вот ведь сука! – сказал Левша.

– Что? – обернулся Ловчий.

– Баба эта, мамаша девчонки, – пояснил Левша. – Она ж, зараза, вместо масла в горшок глину сунула, и пироги тоже из глины.

– А зачем ей масло переводить и еду, – откликнулся вечный оппонент Левши, Стук, – ей семью кормить.

Ловец сунул кинжал в ножны и снова посмотрел на луну.

Бросить все. Все. И уйти за океан, на Запад. И просто жить.

Вот прямо сейчас седлать коня, пару дней – и можно будет спокойно поговорить с Хозяином. С Серым всадником. С... Ловец улыбнулся, вспомнив все имена, которые они с приятелем сменили со времени знакомства.

Он, наверное, сейчас спит в своем замке, да еще, наверное, не один. Он всегда был ходок по женскому полу! Задумавшись, Ловчий не заметил, как ушла луна и стало темно.

– Туши забираем с собой? – спросил Стук.

– Зверь – уже?..

– Уже, – сказал Стук. – Рыжий гад, видать, либо из Британии, либо с Севера.

– Забрать, – сказал Ловчий. – И пацана... Тоже заберите.

К деревне они вышли только к рассвету.

И к рассвету к церкви Трех деревень вышел Хозяин. Легко, словно тук тряпья, нес он в опущенной правой руке человеческое тело. Толпа качнулась вперед, каждому хотелось увидеть, кто это убил их земляков, кто убил всех тех людей на корабле. Жители Трех деревень могли собачиться между собой сколько угодно, но никому чужому не было позволено обижать одного из них. В округе это, кстати, хорошо знали.

Небо было чистым, серо-синим по-зимнему. Ветра не было. Молчали люди, только облачка пара взлетали над их головами. Что-то крикнула ворона, пристроившись на кресте церкви.

– Вот он, – просто сказал Хозяин и бросил то, что принес, на промерзшую землю.

Сухощавое тело, темное лицо, немного раскосые глаза.

– Сарацин, – сказал кто-то в толпе.

– Ассасин, – сказал Хозяин.

Толпа дрогнула, но не отступила. Слухи о страшных посланцах Старца с Горы достигли и этих мест, но люди Трех деревень очень не любили, когда убивают их знакомых.

– Он ваш, – сказал Хозяин и, отвернувшись, пошел к замку.

Люди не набросились на убийцу. Они посмотрели на Кузнеца.

– Несите доски, – сказал Кузнец, – А ты, Сморчок, беги в кузню и принеси в горшке жару... И клещи там у меня лежат справа. Ты, Дедюк, давай за дровами. Много не нужно. И палку там зацепи, в сажень и не слишком толстую... А ты, Бедный, ослов своих приведи, обоих...

Хозяин шел к замку медленно, размеренно переставляя ноги. В левой руке он нес какой-то небольшой сверток.

Его догнали шаги.

– Что вам, святой отец? – не останавливаясь, спросил Хозяин.

– Остановите их, – задыхаясь, попросил Хорек. – Возле Божьего дома...

– Дурак вы, батюшка, – Хозяин оглянулся на священника. – Попробуйте сами!

– Это вы... Вы их подтолкнули... И этот...

Хозяин вдруг оказался прямо перед священником, сгреб его за грудки и поднял так, чтобы заглянуть в его глаза.

– Может быть, они хоть сейчас подумают, хоть на мгновение, что Бог защищает их, дает шанс на отмщение? – сказал Хозяин.

– Вы... Вам...

– Да, я отвечу, – Хозяин поставил священника на землю. – Но не перед тобой, Хорек. Не перед тобой.

– Нельзя ведь так... – пробормотал Хорек.

– А как можно? И не забудьте написать в своем доносе, что ассасин, убив команду корабля и закованных рабов, пытался унести только книгу. Вот эту, – Хозяин подпил левой рукой сверток над головой. – Книгу Младшего Дракона. Я ее уже лет пятьсот не видел.

И Хозяин пошел к замку. Хорек замер, глядя ему вслед.

– Да не забудьте, – крикнул Хозяин, не оборачиваясь.

Струйка пара поднялась вверх, и восходящее солнце окрасило ее в розовый цвет.

– Что – не забыть? – спросил Хорек.

– Рождество скоро. Не забудьте.

II

*Только проповедью истины подрываются основы заблуждения...
Пусть священники дружно возвещают истину на серебряных трубах;
стены Иерихона, проклятые Богом, сами падут при их приближении...
Папа Иннокентий Третий*

Осенняя погода держалась долго. Снег выпал только после Рождества, к концу последней недели января. Стало как-то чище и приятнее глазу. Все какое-то новое, яркое. И далее кровь выглядела на снегу праздничным узором.

Если бы люди, лежавшие сейчас на дороге, погибли вчера, до того как выпал снег, их кровь просто превратилась бы в грязь, в бурые комки, лежащие вперемешку с камнями и конскими яблоками, подумал Ловчий.

Теперь же кровь смотрелась благородным пурпуром на девственной белизне.

Девять скорченных человеческих тел. Четыре тела – на дороге. Возле телеги. Мертвая лошадь лежала между дышл, и две вороны уже деловито ее обследовали. На телеге, среди мешков, тоже лежал человек. Кровь из рассеченного горла стекла по свесившейся с телеги руке на дорогу и собралась в небольшую алую горку, как воск со свечи.

Четверо других, похоже, пытались убежать.

– Этих, кажись, сразу, – словно услышав мысли Ловчего, пробормотал Стук, – а эти успели чуток побегать.

– Не далеко ушли, – сказал Левша и высморкался. – Селяне тупые.

– Селяне, говоришь? – Ловчий спрыгнул с коня и подошел к лежавшему с краю.

– А то! – Левша тоже спешил. – Едут, по сторонам не смотрют, тут их разбойнички...

– Придурок, – язвительно произнес Стук.

– А в рыло? – спросил Левша и присел возле убитого, лежащего лицом вниз, в алый лёд.

– А вот тут я со Стуком согласен, – сказал Ловчий. – Придурок. Какие разбойнички? Где следы?

Левша огляделся.

Сами они ехали по следам вот этих самых покойников. Сразу перед телегой начиналась ровная, не потревоженная еще снежная гладь. Ни справа, ни слева от дороги, насколько можно было рассмотреть между деревьями и заснеженными кустами, следов видно не было. Черт, сообразил Левша, снег на кустах не потревожен. А это значит, что разбойничками тут и не пахло.

Кроме того, все имущество убитых лежит тут же, при них. Оружие и кошель... Оружие.

– Купцы? – Левша оглянулся на Ловчего. Тот не ответил, зато вмешался Стук.

– Почти десяток с одной телегой? – словно сам у себя спросил он. – Ерунда, если хотите знать.

Остальные охотники держались поодаль, не приближались. Арбалеты смотрели в обе стороны от дороги.

– Смотри внимательнее, – сказал Ловчий.

– Смотрю... – Левша хотел еще что-то добавить, но осекся.

Точно придурок, подумал он. Это со вчерашнего перепоя голова не думает. Позаливал глаза...

Двое убитых возле телеги лежали на спинах, рядом, раскинув руки. Оружие, внушительных размеров мечи, оставалось в ножнах. Двое других, справа от телеги, свои клинки выхватить успели – но и только. Один, видимо, вначале упал на колени, а потом опустился на бок,

так и лежал, словно спящий ребенок. Второй упал навзничь, брызги крови широким веером испятнали снег далеко вокруг – удар, понятно, пришелся в жилу.

Было оружие у возничего или нет – видно не было, а вот у тех, что пытались бежать, оружие имелось. Два разряженных арбалета валялись в снегу, одна рогатина, сломанная почти сразу за наконечником, и кинжал в ножнах у того, который успел отбежать дальше остальных.

– Это что ж получается, – ни к кому особо не обращаясь, спросил Левша. – Это получается, что...

– Так и получается, – сказал Ловчий.

Выходило, что эти, с телегой, которых нелегкая понесла в дорогу чуть ли не затемно. – чтобы добраться сюда в такое время, нужно было из Сосен выехать чуть ли не в полночь – наскочили на кого-то... или на что-то, чего они вначале не заметили. Или не испугались.

– Эй, Ворюга, – окликнул Ловчий своего лучшего следопыта, – вернись с кем-нибудь назад шагов на пятьсот, посмотри внимательно – никто с дороги в лес не уходил? Далеко не заходи, и пусть тебя с арбалетом Гвоздь прикроет.

Следы. Теперь Ловчий рассмотрел их как следует. Среди неровных пунктиров следов погибших был еще один – мужчины, не очень крупного, но ловкого и подвижного.

Выглядело все так, что он стоял на дороге и ждал, пока к нему приблизятся. И к нему приблизились. Без опаски, хотя Ловчий, например, вперед послал бы одного человека, чтобы выяснить, а с каких таких радостей стоит кто-то на дороге. Но эти продолжали двигаться, будто не видели стоящего... Или хорошо его знали.

Потом все и пошло.

Убил коня. Потом тех двоих, что были ближе, потом возницу; потом двое, наконец, сообразили и попытались защищаться. Попытались. А потом произошло нечто такое, что заставило оставшихся в живых бежать. Что?

Чего могли так испугаться здоровые, хорошо вооруженные мужики? Даже слишком хорошо вооруженные.

Потом тот, кто их всех убил, пошел назад по дороге. И должен был попасться навстречу Охотникам Ловчего: дорога не имела развилок почти до самых Сосен. Но не попался. А это значит...

Вороны, отлетевшие было на соседнее дерево, о чем-то быстро переговорили между собой и, обрушив снег с исток, вернулись к мертвой лошади.

Ветер разорвал облака, и солнце осветило дорогу. На груди того, что лежал возле телеги, так и не успев обнажить оружие, что-то блеснуло. Солнце нащупало своим лучом кусочек полированного металла. Ловчий подошел. Оглянулся на Левшу и Стука. Те как раз обыскивали трупы. Остальные не возражали: знали, что у Ловчего все делится поровну.

Ловчий наклонился к убитому и быстрым движением сорвал у того с шеи серебряный крест, блестящий, словно только что сделанный. Спрятал крест за пазуху.

Вернулись Гвоздь и Ворюга. Один след сворачивал неподалеку в лес, а потом исчезал между деревьями.

– Собирайте здесь что хотите, только быстро, – приказал Ловчий. – Нам нужно к вечеру быть у Черного креста. Гвоздь, Ворюга и Левша – смотрят вокруг, чтобы...

Фразу Ловчий не закончил – и так все понятно. Это как раз понятно. А вот то, что здесь произошло...

Ловчий снял перчатку, сунул руку за пазуху и нащупал подобранный крест. Холодный, словно изо льда. Не нужно, чтобы его видели остальные. Пока, во всяком случае.

Мешки, к разочарованию охотников, были набиты сеном. Так что в добычу досталось только оружие и то, что нашли в кошельках. Одежду Ловчий брать запретил.

Тела сложили на телегу и оставили на дороге – не тащить же на себе. При этом Левша выразил общее мнение – хорошо, что монах на этот раз за ними не поперся. Заставил бы хоронить.

– Поехали, – приказал Ловчий. – Двое – вперед, дозором.

К Черному кресту они выехали, когда солнце только-только скрылось за деревьями.

Место было странное. Монастырь – не монастырь. И не скит: слишком людно тут было для скита. И хоть монахи были, но немного, по одежде не разберешь, из какого ордена или орденов, и монахи эти не молились, а сустились по хозяйству. Пять домов, обнесенных частоколом с башнями по углам. Почти замок.

Над всем этим возвышался громадный каменный крест, давший название всему этому странному месту. Как давно крест здесь стоит – не знал никто. И, если честно, мало кто здесь бывал. Забредшего в непогоду путника, просившегося на ночь, обычно посылали дальше, намного дальше, не открывая ни ворот, ни калитки. А вот охотничьи отряды иногда оставались здесь на отдых, или далее на зимовку. Тут же можно было оставить на излечение больных и раненых.

Ловчего ждали.

Один из монахов – Ловчий так и не удосужился узнать имена тутошней братии – с факелом в руке повел его к главному дому, сложенному из бревен. Остальные приняли у приехавших коней и проводили к длинному, шагов в тридцать, приземистому сараю – месту ночлега.

– Это чего ж в сарай? – спросил недовольным тоном Левша, но, когда вошел в сарай, всё понял.

В сарае было полно народу. Почти сотня. Они одновременно разговаривали, пили, ругались, азартно выкрикивали, бросая на стол кости, точили клинки, а увидев вновь прибывших, загалдели еще больше. Типа – куда еще прут, и так мест нет, набили, как... это ты, Ворюга? – ворюг тут еще не хватало – пасть закрой, это ж Ворюга... и Левша с ним... Это же Ловчего хлопцы... Охотников Ловчего знали. Кто лично, кто понаслышке. И все понимали, что цену те себе знают, бойцы крутые; и если место им не предоставить, то они его отберут.

– Откуда ж вас столько набралось? – спросил Стук. – Это что – десяток охотничьих отрядов?

– Дюжина, – поправил кто-то.

– А на хрена? – спросил Левша.

– А про то командиры знают.

Но командиры не знали.

В комнате, где их собрали, было не так тесно и шумно, как в сарае, но и ясности было не больше. Ловчий вошел, поздоровался со всеми сразу и сел в угол, не снимая плаща. Только перчатки сунул за пояс.

Командиры отрядов оглянулись на него, но сразу же перестали обращать внимание – если Ловчий захочет что-то сказать, то сам и скажет, без расспросов. А набиваться ему в собутыльники, собеседники или противники – одинаково бессмысленно и опасно.

Ловчий закрыл глаза. Со стороны могло показаться, что он задремал.

Все бросить и уйти за океан, на Запад. Все это продолжается слишком долго. Их собрал Егерь, теперь он им станет рассказывать о том, что Ловчий и так прекрасно знал. Знал еще пять лет назад. Если то, что он сегодня увидел на дороге, его и удивило, то не слишком сильно. И не тем, чем удивило и еще удивит остальных Охотников.

Ловчий почувствовал запах. Этого запаха не могло, не должно быть на дороге в этой глуши. Этот запах слишком дорого стоит. Слишком дорого. И тем не менее он был. Далее морозный ветер не смог его унести от окровавленного снега.

Вот это странно. Но никто, кроме Ловчего и Хозяина, в этих местах не смог бы распознать запаха. Не должен был иметь такой возможности.

Скрипнула дверь, и разговоры в комнате стихли. Вошел Егерь, не открывая глаз, подумал Ловчий. Этот невзрачный человек с иссушенным лицом и горящими глазами умел поддерживать дисциплину даже среди буйных командиров охотничьих отрядов.

– Я вижу, приехал Ловчий... – голос Егеря прозвучал мягко, но с упреком.

– Я тоже вижу, – сказал Ловчий, открывая глаза, – здравствуйте.

Кто-то из командиров хмыкнул. Особенно веселят те выходки, которые сам себе позволить не сможешь, А Ловчий вел себя в присутствии Егеря независимо, не позволяя при этом подрывать авторитет старика. Скорее, демонстрировал свою самостоятельность.

– Еще не прибыл Синий отряд, – сказал Егерь, усаживаясь на свое обычное место, в торце стола. – Но я думаю, что вы еще успеете познакомиться с его командиром. Отряд новый, всего полгода как работает, но двух упырей и оборотня уже настиг и, с помощью Божией, прикончил.

– Просто Роланд с Ланселотом, – хмыкнул с другой стороны комнаты, кажется, Черный.

– Нет, ну чего ты, – вроде как не согласился Барон, единственный из командиров, имевший благородную кровь. – Два упыря и оборотень... И это всего за семь полнолуний...

Рука Егеря легко хлопнула по столешнице. Все замолчали.

– Я собрал вас для того... – сказал Егерь и замолчал на середине фразы.

Командиры ждали.

– Я собрал все свои отряды, – сказал Егерь и снова замолчал.

Он чего-то ждет, подумал Ловчий, глядя на огонек восковой свечи.

На освещении в Черном кресте не экономили – свечи, далее в сарае для Охотников, были только восковые.

Егерь собрал все свои отряды... Так, подумал Ловчий, а это уже интересно. И совсем не смешно. Абсолютно. И кто первым из командиров заметит эту хитрость в словах Егеря? Барон или Трубадур. Эти соображают быстрее остальных.

Так и есть – Трубадур. У красавчика брови поползли вверх, а щеки побледнели.

– Вы сказали – все отряды? – тихо спросил Трубадур. – Все свои отряды?

– Все, – подтвердил Егерь, теребя свой массивный крест.

– Но нас здесь только тринадцать, – сказал Барон. – Пусть опаздывает Синий отряд, но всего-то отрядов двадцать пять. Двадцать пять!

Барон повысил голос. Двадцать пять больше четырнадцати на одиннадцать. Как это – все отряды, когда только...

– Все отряды, – повторил Егерь. – Все отряды, которые остались. Которые выжили в этом году.

Вначале в комнате воцарилась тишина. Командиры пытались осознать то, что только что сказал старик. Отряды иногда гибли. Случалось, что кто-то из их жертв оказывался умнее, хитрее или сильнее, чем ожидалось. Два или три раза отряды вмешивались в разборки между людьми и выбирали не ту сторону. Один отряд лет десять назад зачем-то отправился в Святую землю и больше не подавал о себе известий.

Но одиннадцать отрядов сильных, опытных, бесстрашных бойцов, повидавших на своем веку многое...

– У нас что, снова появились драконы? – спросил Трубадур. – Или демоны?

Остальные командиры ждали разъяснений молча. Даже, кажется, затаив дыхание – огоньки свеч стояли неподвижно.

– Ни драконов, ни демонов, – Егерь снял с пояса кожаный мешочек.

Длинные сухие пальцы медленно распустили шнурок, и на стол упали кресты. Серебряные знаки командиров отрядов. Охотничьих отрядов.

– Олений отряд, – сказал Егерь, отодвигая в сторону один крест, – в июне шел по следу упыря.

– Их... один кровосос? – не поверил Кабан.

– Их всех – одна добрая селянка угостила вином на ночлеге. И никто не проснулся. А селянка далее под пытками не созналась, зачем. Уже потом сказали соседи, что тот упырь – вроде ее дочь. Упырица.

Егерь взял в руки второй крест:

– Северный отряд. Пять оборотней одновременно.

– Дьявольщина! – сказал Кабан, и его никто не одернул.

Оборотни не ходят стаями. Оборотни – одиночки. А пятеро оборотней одновременно – действительно дьявольщина. Не дай Бог вот так нарваться на пять бестий, выслеживая одну. Шансов у Северного отряда не было никаких.

Третий крест. Отряд Девы вышел на ведьму. Но она словно ждала их. Потом жители деревни рассказали, что ведьма плеснула навстречу охотникам какое-то снадобье, и те вначале замерли, а потом вдруг набросились друг на друга с остервенением и оружием в руках. Последнего уцелевшего на всякий случай добились крестьяне.

Егерь потянулся за следующим крестом, но Ловчий взмахнул рукой.

– Синий отряд, – сказал Ловчий, когда крест с обрывком цепочки упал на середину стола. – Полдня пути отсюда по Восточной дороге. Этим утром. Всех вырезал один человек.

– Кто? – спросил Егерь быстро.

– Мы натолкнулись только на тела. По следам похоже, работал один. И не оборотень. Нет ни укусов, ни царапин от когтей. Чистые раны от благородной стали. Трех – внезапно. Шестеро пытались защищаться. Сломанная рогатина... Сломанная, а не перерубленная. Два разряженных арбалета, не более чем с пяти шагов. Двое пытались бежать.

Ловчий просто сказал, не вдаваясь в подробности, не поясняя. Люди в комнате опытные и тертые. Застать охотника внезапно... трех охотников, засветло. Два выстрела из арбалета в одного человека – и мимо? В упор? Сломанная рогатина... окованное железом древко в мужскую руку толщиной. И, наконец, бегущие от опасности охотники...

Пусть они только полгода занимались этим ремеслом, но каждый из сидящих в комнате прекрасно знал: первое, что запоминают охотники: бежать бессмысленно. Еще никому не удалось убежать от оборотня или упыря. Убить – да, убить можно, а убежать...

– Вот такие дела... – сказал Ловчий.

Слова эти взлетели к закопченному потолку, скользнули в приоткрытую дверь и вылетели под морозное звездное небо. Потом ударились о него между Медведицами и упали где-то к югу, в районе Рима. А, может, они упали на пол прямо там, в душной комнате, пропитанной растерянностью и страхом, а в Риме прозвучали уже другие, просто очень на них похожие слова. Скорее всего, так оно и было, потому что вряд ли слова, сказанные Ловчим, смогли бы не заплутать в лабиринте римских катакомб. И точно не смогли бы среди тысяч закоулков отыскать именно тот, в котором одна серая тень сказала другой серой тени:

– Вот такие дела сейчас творятся в известном вам месте.

– И вы полагаете, что эти события повлекут за собой нужные последствия? – спросила вторая тень, – Я не верю в случайности. И мне странно, что корабль и книга были обнаружены... и кем?... Что делал корабль, который мы ожидали, на побережье графства?

– Шторм...

– Да, конечно. Шторм, который, если верить отчету этого недоумка, закончился сразу после того, как тот самый корабль сел на скалы.

– Но, Кардинал...

– Если бы вы знали, сколько лет я кардинал, вы бы сошли с ума... Или я вас был бы вынужден отравить. Или приказать заколоть... – Тень вздрогнула.

Это она так беззвучно смеялась.

– Как хорошо, что я не знаю, как давно вы стали Кардиналом, – сказал собеседник Кардинала, намного выше его и шире в плечах.

– Еще не все потеряно, Пес. Не все потеряно. Когда-нибудь вы узнаете слишком много, и это...

– Позволит вам сделать то, что вы так давно хотите сделать, – подхватил тот, который иногда откликался на прозвище Пес.

Он только пытался пошутить, но Кардинал часто терял чувство юмора.

Дернулся язычок пламени на светильнике, раздался звук пощечины.

– Смирение, сын мой, смирение! – сказал Кардинал, и Пес молча склонил голову. – То, что я хочу сделать, никак не соизмеримо ни с твоей жизнью, ни с твоей смертью. Мы ведь знаем, что ты можешь подохнуть в любой миг, по моему приказу. Знаем?

– Вы хотите приказать?

– Я хочу, чтобы ты это помнил. И чтобы ты не забывал – жизнь ради Господа, смерть ради Господа.

– Я – грязь на деснице его, – сказал Пес.

И в голосе его была сила. И ярость. И гордыня. Тень Кардинала вздрогнула на стене. Беззвучно.

– Встань, – сказал Кардинал. Пес встал с колен.

– Теперь Он может догадаться? – спросил Пес.

– Он? Может. И, значит, мы должны начинать. Тем более что мы и так были готовы. Если бы не эта нелепость с последней партией агнцев...

– Но ведь с орденом Черного креста и так уже все было решено, – напомнил Пес.

– Каким орденом? – быстро спросил Кардинал. – О чем ты? А... Ты об этих отрядах охотников на исчадий Ада... Нет такого ордена. Нет. И никогда не было. Были благословленные на подвиг люди, желающие искупить свои грехи и послужить во славу Его... Ведь черный – это не цвет. Черный – это отсутствие цвета, пустота. Орден пустого креста? Орден пустоты?

Пес молчал. Такие моменты лучше было переживать молча.

– А вот то, что мы готовы, – хорошо. Хотя... Знаешь, что мне не нравится больше всего? – спросил Кардинал.

– Естественно. Не знаю.

– То, что мы, несмотря на готовность, должны действовать. Не можем, не хотим, а должны. Неприятное слово. Пакостное слово. Я должен только Господу нашему. И Церкви его... И я должен сделать то, что не смогли сделать эти облаченные в металл свиньи, которые именуют себя крестоносцами... Они ведь не люди, они то самое стадо свиней, в которое Спаситель отправил бесов из одержимого и которое бросилось в воду. Только эти бросились за море, полагая, что, прикрываясь Крестом, смогут удовлетворить свои алчность и гордыню... – Кардинал взмахнул рукой, и светильник погас.

Голос теперь звучал во тьме.

– Мне не нужна власть. Я не хочу быть пастырем у этого стада... Я хочу очистить землю от скверны. Сколько гноя скопилось, сколько грязи... Сколько сил было потрачено, чтобы сделать рыцарей воинами Господа! Сколько надежд возлагалось на них... И что? Что? Не Господу нашему служить, а прекрасной даме? Не Деве, а потаскухе? Не крест сжимать в руке перед битвой, а тряпку, врученную этой шлюхой? Убивать подобных себе на этих сатанинских игрищах, именуемых турнирами, а не сражаться с врагами Господа! Да если бы рыцари помнили о своем долге, разве появились бы эти Охотничьи отряды!

– Зажечь свет? – спросил Пес.

– Ты прав, – со смешком ответил Кардинал. – Полностью прав. Нужно зажечь свет. Люди слишком давно не видели истины. Забыли о страхе. Что им огонь Ада, если очистительное пламя Содомы и Гоморры для них всего лишь вымысел... Они слишком давно не видели ни Врага, ни гнева Господня. Но близится день! Пес высек огонь, зажег светильник.

– Да будет свет! – воскликнул Кардинал.

Пес отвернулся. Впрочем, кто он такой, чтобы осуждать Кардинала за эти слова?

– Теперь мы будем ждать результатов встречи посланца Папы с... – Кардинал сделал паузу.

– А как его зовут на самом деле? – спросил Пес. – Хозяин, Серый всадник, Пилигрим...

– И еще с десятков прозвищ, которые он сменил за долгие годы союза с Церковью, – закончил Кардинал. – И ни одно из них не настоящее. Как неизвестно и настоящее имя его давнего, очень давнего друга, которого нынче зовут Ловчим и который командует самым результативным Охотничьим отрядом. Они скрывают свои имена. Они скрывают свои намерения. Но они будут делать то, что придумал я. И что начнешь осуществлять ты.

– Я и вашего-то имени не знаю, – сказал Пес.

– Правильно. А твоего имени не знал тот, кто привез последнее письмо из Трех деревень и которого ты убил. А Старец с Горы не знал, от кого к нему прибыл посол, кто смог заплатить такую цену за странные книги и за полторы тысячи изувеченных рабов. И кто попросил убить собственного посла. Мы не можем оставлять след. Иначе по этому следу Пилигрим, Серый всадник, Хозяин сможет добраться до меня... Только пока я не известен никому, до тех пор я неуязвим для него. Только до тех пор. Можешь идти, – Кардинал не сделал паузы, переходя от разговора к приказу.

Пес кивнул, потоптался, словно в нерешительности, и шагнул за поворот лабиринта.

– Ты хотел что-то спросить? – окликнул его Кардинал.

– Кто он? – Пес не стал возвращаться, он просто стоял и ждал ответа.

– Ты ведь читал Книгу Младшего Дракона? – спросил Кардинал.

Пес молчал, ожидая продолжения.

– Ты читал... – сказал Кардинал. – Помнишь место, о Том, Кто Вернулся, и о Бесе, который шел рядом с ним?

– Это ересь, – сказал Пес. – Это вымысел одержимого дьяволом.

– Наверное, – согласился Кардинал, – но там есть несколько очень интересных моментов. И несколько очень поучительных комментариев.

– Так он – слуга дьявола?

– В той же мере, что и слуга Господа нашего. Мне иногда кажется, что он делает все, чтобы...

– Чтобы... – подхватило эхо.

– Мне кажется, что он хочет вступить в схватку с Дьяволом. Лицом к лицу, – Кардинал засмеялся, как всегда, бесшумно. – Или с Господом. Все зависит от того, с кем он встретится раньше. Или кто наймет его за большую цену. Может быть, он именно сейчас разговаривает с чертом. Или архангелом. И торгуется. А, может, даже отправился в гости к одному или другому.

Кардинал знал многое. Но последние его слова были шуткой. И Кардинал бы очень удивился, если бы узнал, что Хозяин действительно отправился в гости. Не к дьяволу, но и не к Богу. Просто к богу, к божеству.

А если еще точнее, бог сам пришел за Хозяином. И увел его с собой. Хозяин не хотел идти, но бог, атлетическое тело которого было покрыто сложным разноцветным узором и перьями, сказал:

– У тебя здесь холодно. И воняет.

Протянул руку, потом отдернул и просто указал перед собой, в серебристую паутину, повисшую в воздухе, между стеной зала и ковром, свисающим с потолка.

Хозяин усмехнулся и шагнул в паутину.

Давно он не путешествовал таким образом. Не то чтобы не хотел – не приглашали. А сам... Что позволено Юпитеру...

В лицо ударил ледяной ветер. Как, впрочем, и всегда при проходе. Два шага. Шаг входа и шаг выхода. Два легких прикосновения паутины – и один ледяной удар в лицо. А потом...

Потом был океан. Хозяин успел увидеть темно-зеленые волны и даже успел взмахнуть руками, словно это могло спасти от падения в воду.

И – удар. Не всплеск воды, а удар о стекло – холодное и скользкое. Гребень застывшей волны ударил в лицо, раздирая кожу. Хозяин покатился вниз, с гребня, к подножию вала. Остановился в ложбине между волнами. Сел, смахнув кровь с глаз.

– Больно? – бронзовое лицо, покрытое полосами и зигзагами, выражало сочувствие.

Насколько могло, естественно.

– Дурак ты, Громовержец, и шутки твои – дурацкие, – Хозяин подождал, пока прекратит капать кровь.

Раны затянулись – пятна на одежде остались.

– Вот, всю одежду испортил, – сказал Хозяин и поднялся на ноги, опершись на волну. – Силу девать некуда?

Насколько мог видеть Хозяин, океан замер. Волны застыли, словно застигнутые внезапным морозом. Но само стекло, в которое превратилась поверхность океана, холодным не было. Во всяком случае – не ледяной холод. Ленивый холод стекла.

Волны были неподвижны. Брызги, застигнутые в полете, превратились в стеклянные бусинки, лежащие в темно-зеленых складках.

– Извини, – без всякого раскаяния в голосе сказал Громовержец. – Забыл тебя предупредить. Очень торопился. Знаешь, выполнение условий Договора отнимает много сил и времени. Нам ведь нужно, как ты понимаешь, следить за океаном, отслеживать, чтобы никто из людей... кроме тех, кто имеет Разрешение, не смог проникнуть в Западный мир. Мир дикарей и богов, имевших глупость согласиться на условия Договора.

Громовержец махнул рукой, и волны вокруг него взорвались стеклянной пылью, больно хлестнув Хозяина по лицу. Из рассеченной брови потекла кровь.

– Больно? – спросил Громовержец и сам себе ответил: – Больно.

Идеальный ровный круг среди хаоса мертвых волн. Хозяин провел рукой по лицу и стряхнул кровь на искрящуюся пыль под ногами. Здесь, над океаном, солнце еще не село.

– Красиво, – сказал Хозяин. – Ты мне только это хотел показать? Спасибо.

– Не за что, – развел руками Громовержец. – Я хотел поговорить с тобой без свидетелей. И без той вони, которой ты себя окружил. Ты когда мылся последний раз? У проклятых язычников был такой глупый обычай – смывать с себя грязь. Так, чтобы не воняло. А вы, просвещенные христиане...

– Это не ко мне, – сказал Хозяин. – Я не крещен.

– Что? – изумился Громовержец. – Не крещен? Защитник и опекун этих самых христиан...

– Я не защитник, – спокойно возразил Хозяин. – И Ловчий...

– Его теперь зовут Ловчий! – восхитился Громовержец.

– И ты это прекрасно знаешь. И так же прекрасно ты знаешь, что актер из тебя – никомушний. И что твое гримасничанье означает только одно – ты хочешь мне что-то сообщить. Нечто неприятное.

Гулкие удары пронеслись по кругу, свернулись в тугую спираль и взлетели к небу. Хозяин не сразу понял, что Громовержец аплодирует.

– Отлично сказано. Гениально, – Громовержец перестал хлопать в ладони. – Ты, как всегда, все верно увидел и понял. В этом с тобой может соревноваться только Ловчий. Вы – парочка блюстителей Договора, умные, честные, неподкупные...

– Что-то случилось? – спросил тихо Хозяин.

– Случилось? Случилось... – Громовержец сел, поджав под себя ноги. – Посмотри на меня... Посмотри. Ты помнишь, каким я был раньше? Я был богом. Богом. Одним из богов... Мне не приходилось каждый день и каждое мгновение думать о Силе, не приходилось выпрашивать и выменивать ее крупички...

– Это делали за тебя твои ипостаси. Аватары. Конечно, легче собирать...

– Да не в этом дело, – устало махнул рукой Громовержец. – Вовсе не в этом дело. Каждый день я прихожу к людям. Каждый день я должен следить, чтобы мне приносились жертвы и чтобы никто вдруг не додумался до Кровавой жертвы. А эти людишки поклоняются мне как богу плодородия, одновременно приносят жертвы своим предкам и деревянным истуканам. И камням... А я – не истукан. И не их предок. И у меня поперек горла становится это их жертвоприношение. Мне и Псу-защитнику. Я не пес! Я – бог. И я...

Громовержец вскочил на ноги.

– Эти земли – они не подходят для богов. Это земли, в которых далее боги могут умереть. Это земли сумасшедших богов. Не Безумных, пораженных Кровавой жертвой, а сумасшедших. Это тюрьма. Тюрьма. И мы в ней заперты уже почти тысячу лет. Тысячу бесконечных лет мы носимся от стойбища к деревне, от деревни к городу и обратно. Успеть заработать немного Силы. Там чуть-чуть, там чуть-чуть. Но зачем она нам? Волны превращать в стекло? Возводить гигантские статуи на островах? Расчерчивать горные долины? – Громовержец засмеялся, и в смехе его Хозяину вдруг почудилось безумие.

Громовержец присел на корточки, провел руками по щекам, смазывая узоры, превращая лицо в маску, покрытую потеками красок.

– Поначалу все казалось не таким страшным... И вы с... да, с Ловчим, умеете уговаривать. Дескать, там – делайте, что хотите. А за эту линию – нельзя. Только с разрешения Смотрящих за Договором. Действительно – что там этот кусок земли, если богам отдается два материка. И еще Южный материк, и тот, что покрыт льдами. И острова... Люди не смеют заплывать к ним, а боги не смеют...

– Боги не смеют! – закричал Громовержец. – Боги! Не смеют? Да, конечно. Мы поклялись Камнем, Рекой и Бездной, и эта клятва сильнее каждого из нас. Поклялись и люди... Люди – поклялись. Только... Только боги свою клятву нарушить не могут, а люди... Для них любая клятва – только слово. Сегодня дал, завтра – забыл. Взял назад.

– Они его держат, – сказал Хозяин.

Он помнил тот день. Помнил, будто все произошло только вчера.

Боги, принесшие клятву им двоим. И люди... Один человек, от имени всех. Боги не могли нарушить договор, а за людьми должны были следить Смотрящие. Люди, христиане, могли обращаться к богам только через Смотрящих, а те могли действовать среди людей только с разрешения Церкви.

– Ради чего? – спросил Громовержец. – Ради того, чтобы найти этого... Этого...

Громовержец снова махнул рукой.

– Мы тихо сходим с ума, – сказал Громовержец, – один за другим. Это не безумие, Кровавая жертва. Это просто медленное угасание разума. Ум засыпает, и никто не знает, каких чудовищ он породит во сне... Мы не можем нанести вред людям Восточного полушария. Мы. Мы, боги. Но Договором не предусмотрено нанесение вреда руками самих людей. Или животных. Или еще чего... Это не я придумал, и не Дева. И далее не Охотница с Воином. Это придумал Певец. Наш милый Певец, мягкий, словно воск под солнцем. Добрый и улыбчивый, любящий выпить и не дурак по бабам. Ему не повезло. Он не нашел себе место по способностям.

Обитатели этих земель не склонны отдавать своих баб богам. Разве что на нескольких островах... И наш Певец подрабатывает на свадьбах и похоронах. Он еще может заставить людей смеяться и плакать. Но не более того. И вот он однажды пришел ко мне... Такой радостный. Я придумал, говорит. Придумал. Нужно просто очистить земли от людей. Не огнем, не потопом... Не нужно... А просто болезнь. Неизлечимая болезнь, которая будет переходить от одного человека к другому. А понесут эту болезнь полчища маленьких убийц... Крысы. Они могут плодиться. И их трудно убить. И только он, Певец, сможет остановить крыс. Он уже придумал, как ими управлять. Музыка. Простенькая мелодия, которую можно будет сыграть на любом, самом вульгарном инструменте. И когда девять десятых людей вымрут от болезней, тогда оставшиеся в живых станут приносить жертвы не придуманному нами Спасителю, а тому, кто их действительно спасет.

– Ты отговорил его? – спросил Хозяин.

Такая мысль приходила ему в голову. Одно могло остановить Певца – он сможет вернуться только с разрешения Смотрящих. А такого разрешения они не дадут. Тем более, после эпидемии.

Громовержец на вопрос не ответил. Он смотрел в одну точку, не мигая, словно неподвижность волн передалась и ему. Хозяин оглянулся, проследил за взглядом.

Прямая тропинка, прорезающая волны.

– Только один Мастер чувствует себя прекрасно... Ему всегда нравилось возиться с людьми. Он их учит строить, писать, ковать и вырезать....

Громовержец оборвал фразу и посмотрел в глаза Хозяину.

– Мы хотим вернуться, – сказал Громовержец. Прошептал.

– Мы отдадим все что угодно. Все, что вы с Ловчим попросите. Становитесь верховными богами... Спасителем и Переспасителем... Мы будем отдавать вам всю Силу... Почти всю... Ведь сейчас все создано так, что очень просто, ничего не меняя, получить прежнюю власть. Нет богов, есть только один Бог. Займите его место. И отдайте нам места святых и ангелов... Люди будут молиться... Будут... Да они даже счастливы будут, эти люди. Они не будут молиться впустую, пытаясь достучаться до небес, которых нет. Они будут получать по делам своим. По своим молитвам, не дожидаясь страшного суда и загробной жизни. Мы даже сможем давать им бессмертие. И сможем создать Царство Божие на земле... Ты же знаешь... Это просто. А вы будете следить, чтобы мы не нарушили этого, Нового Договора. Ты же знаешь, что люди переполнены Силой, которую впитывают в себя из земли и воздуха, от звезд и Солнца... И ты знаешь, что если они не будут отдавать эту Силу, то просто погибнут, перестанут быть людьми, превратятся в чудовищ... Ты же это знаешь!

– Я – знаю, – кивнул Хозяин. – А откуда это знаешь ты? Ты ведь не бываешь в том мире. Тебе и остальным это запрещено Договором... Откуда?

– Значит – нет? – спросил Громовержец.

– Значит – нет, – сказал Хозяин.

– Значит – чистенький? – спросил Громовержец. – Значит – оставишь нас здесь только ради того, чтобы искать несуществующего? Искать того, кого мы сами придумали?

– Думай как хочешь, – сказал Хозяин. Громовержец сжал виски руками. Выпрямился.

– А люди это оценят? – спросил он. – Они хотят, чтобы было по-твоему? Ты у них спрашивал? А если людям нужен не бог и святые, которые... от имени которых им обещают счастье, а бог и святые, которые могут дать это счастье. Сейчас. Сегодня. Немедленно. Каждому – по деяниям его.

Хозяин молчал.

– А ты не думаешь, что и люди ломают голову над тем, как отменить Договор? Что они уже начали...

– Ты мне что-то хочешь сказать? – спросил Хозяин. – Ты что-то знаешь?

Громовержец двинулся по кругу, обходя Хозяина и глядя себе под ноги. На пыли, оставшейся от рассыпавшихся волн, оставались его следы. Следы босых ног.

– Я сказал то, что сказал. А что услышал ты... У людей есть то, что они могут предложить богам. У богов есть то, что нужно людям. И что они уже начали получать...

– Ты имеешь в виду серебро?

– Ерунда. Серебро из Западного мира, которое ваши бородачи на кораблях перевозят в Восточный мир... Это только символ. Дырочка в занавесе, который вы повесили между этими мирами. Красный крест на белом поле – забавный символ. Красное противостоит белому. Белое – Бог. Ваш Бог. Что же тогда красное? Из чего тогда состоит крест? Эти парни в плащах прекрасно понимают, что находятся в исключительном положении. И с ними можно договариваться.

– Богам запрещено разговаривать с посланцами, – сказал Хозяин.

– Но посланцам не запрещено оставлять послания на берегу, на том месте, где они забирают серебро...

Под ноги Хозяина упал свиток пергамента.

– Прочитаешь на досуге, – сказал Громовержец. – В этом письме они уже благодарят.

– За что?

– Корабль амброзии. Сомы. Пищи богов. Целый корабль. Много?

Хозяин сжал кулаки.

– Целый корабль бессмертия – неплохо? И кто-то сможет противостоять вам, нашим великим Смотрящим. И сможет купить любого. Ты же знаешь, как ценилась даже капля амброзии, – Громовержец продолжал идти по кругу.

Его следы сливались в сплошную полосу, кольцо, в центре которого стоял Хозяин.

– У тебя осталось не так много времени, – сказал Громовержец. – Тебе придется выбирать. Так или иначе, все изменится. Всё. Люди не любят ждать. Мы, старые боги, знаем это лучше, чем кто бы то ни было. Дашь на дашь. За все нужно платить. Либо тыпустишь нас... либо они найдут способ разорвать Договор только для себя. Со своей стороны. Полагаешь, у них это не получится?

Хозяин отвел взгляд.

– Считалось, что никто, а тем более человек, не сможет победить Верховного бога – помнишь Ясноглазого? – и все-таки нашелся человечек по прозвищу Ловец, который умудрился отправить Верховного в Бездну. Тебе ли этого не знать.

– Ты мне все сказал, что хотел? – спросил Хозяин.

– А я тебе ничего и не собирался говорить, – рассмеялся вдруг Громовержец. – Я позвал тебя, чтобы спросить – все с тем кораблем получилось нормально?

– Да, спасибо. Точно в назначенное время. И очень аккуратно. Спасибо.

– Ну что ты... Я ведь когда-то в тех местах был морским богом. Еще помню все течения и ветры. Берется корабль, обрывается у него руль к свиньям собачьим, затем ветер и течение. И корабль мчит себе в волнах на раздутых парусах. Может еще что нужно? Флот утопить или остров? Мне, знаешь, как остальные завидовали? Предлагали меняться... Много чего предлагали... За мгновение на старых землях.

– Пока ничего не нужно, – холодно ответил Хозяин. – И если я тебе тоже уже не нужен...

– Как это не нужен? Ты один из символов равновесия и нового порядка. Ты нам нужен всегда... И сегодня в частности. Есть один пункт в Договоре...

Хозяин чуть приподнял бровь. Боги пытаются трактовать Договор. Искать прореху. Первый пункт Договора гласит, что любое возможное разночтение трактуется в пользу людей и окончательное решение по нему принимается Смотрящими.

– По поводу того, что боги должны останавливать корабли, идущие по Океану на Запад, – лицо Громовержца не выражало ничего, но Хозяин понимал, каких усилий это богу стоит. – Мы их должны останавливать?

– Да, – подтвердил Хозяин.

– Жаль, – покачал головой бог. – А мы их раньше убивали. Только сегодня сообразил – останавливать.

Громовержец обвел руками вокруг себя.

– Много Силы требует, долго не удержать... Два корабля дошли почти до самого восточного побережья. На одном полсотни смертных и на другом три с половиной десятка. Сейчас бедняги мечутся между мачтами, а некоторые так даже молятся своему Богу. Спаси, говорят, Спаситель. А у нас тут заковыка образовалась. Ну остановил их я. Дальше? Рано или поздно Сила у меня закончится, сколько там у меня ее сейчас... И корабли поплывут дальше с обгадившимися от испуга людьми» И доберутся до побережья при таком ветре через пару дней. Что делать, Смотрящий?

Хозяин молчал.

– Ты должен принять решение при разночтениях. Что будет на пользу людям? – Громовержец указал рукой на прорубленную в волнах тропу. – Вон там кораблики, может, посмотришь?

Тропа из нефрита. Почти сотня жизней. Ухмылка на лице бога. И краска, размазанная по коже, уже не была остатками рисунка. Лицо смерти.

– Их нужно убить... – сказал Хозяин.

– Не слышу! – поднес ладонь к уху Громовержец. Глуховатая смерть.

– Их! Нужно! Убить! – выкрикнул Хозяин.

– И кто это должен сделать? – смерть улыбнулась. – Ты.

– Я?

– Пожалуйста, – попросил Хозяин. Громовержец подошел вплотную к Хозяину, заглянул ему в глаза.

– Что так? Ведь раньше вы вместе с Ловчим легко выжигали целые города. Даже в Книге это запечатлено. Карающей десницей Господа вы были, милые мои. А сейчас нужно только оправить на дно две скорлупки... Что так?

Слабо?

Хозяин молча пошел по тропе.

Громовержец шел следом.

– Останься здесь, – не оборачиваясь, отмахнулся Хозяин.

– А ты – останься, – сказал Егерь, когда все командиры двинулись к выходу из дома.

Ловчий вопросительно указал на себя пальцем.

– Не прикидывайся, – Егерь аккуратно собрал кресты со стола и ссыпал их в мешочек. – Присядь к столу.

Барон в дверях оглянулся и с ухмылкой подмигнул Ловчему.

Ничем хорошим такие разговоры наедине с Егерем не заканчивались – это прекрасно знали все командиры охотников. Тем более – после таких новостей и распоряжений, как в эту ночь.

Новости делились на плохие и страшные. Были еще и странные, но мало. Плохие новости. Отряды погибали один за другим. Таких потерь не было никогда. И получалось так, что на будущий год может не остаться ни одного отряда. Из этого следовало, что некому будет гонять нечисть по лесам и весям. Это – не говоря о том, что никто не хотел умирать. Одно дело – случайно, в бою, по пьянке или по невезению. Но идти в бой, чтобы с гарантией подохнуть за правое дело...

Какое оно, на хрен, правое, если победят враги Господа? Эту философскую базу под общее негодование подвел Трубадур, и каждый получил возможность отстаивать свои интересы исходя из всеобщего блага и победы добра над злом.

Егерь переждал общий крик. Егерь не отреагировал на въедливость Трубадура и откровенную грубость Барона. На молчание Ловчего он тоже не отреагировал. Просто в какой-то момент ладонь Егеря опустилась на стол – и все замолчали. Потом Егерь заговорил, а командиры отводили глаза, хмыкали и откашливались. Егерь умел говорить доходчиво и убедительно.

Очень скоро все поняли, что война продолжится. Но условия будут другие.

– Это какие? – поинтересовался Кабан. Егерь замолчал, а на Кабана зашикали. Кабан втянул голову в плечи и пробормотал что-то вроде: «Ну чего там, и спросить нельзя, я ведь как лучше, говори, Егерь, чего там...»

Все отряды расформируются. Тишина. Кто-то из командиров уронил на пол кинжал, который крутил в руках перед этим, да так оружие и не поднял. Командиры потрясенно смотрели на Егеря, Егерь смотрел на кресты, лежащие перед ним, а Ловчий с трудом сдерживался, чтобы не вздохнуть.

Всё как всегда. Все снова идет в задницу. Самую грязную и смердящую задницу. Почему все всегда делается наоборот. Наоборот, блин. И непонятно только одно – это сам Егерь придумал, или его просветили из Рима? И тот, кто это придумал, – понимал, что делает? Глупость или ошибка. Или подлость, успел подумать Ловчий, прежде чем Егерь продолжил.

Нет, сказал Егерь, Отряды не упраздняются, Черный крест будет продолжать борьбу даже теперь, когда Те – Егерь называл врагов всегда именно так – Те, кажется, переходят в наступление. У них нет времени на создание новых отрядов. И придется привлекать наемников. Командиры заворчали. Охотники не любили наемников. Наемники отвечали им взаимностью. Да, охотники получали за свою работу деньги. Но то, что наемники, отработав плату, могли перейти на сторону бывшего врага, а потом, выполнив заказ, снова вернуться, – вызывало отвращение. Может быть оттого, что у охотников был враг, перейти на сторону которого было вообще невыносимо?

Воевать на стороне оборотней и упырей? Охранять ведьм и колдунов? А наемники... Все помнили историю того же Черного, который, прежде чем добрался до колдуна с Озера, был вынужден разобраться с двумя десятками наемных лучников. Колдун потрошил детей для своих снадобий, а наемники следили, чтобы ему не помешали.

Черный тогда, вырвав у колдуна язык и обрубив ему руки, чтобы пресечь попытки колдовства, прежде чем разжечь костер, рядом выложил на площади городка и тех наемников. Вначале живые и мертвые лежали попеременно, потом все стали мертвые.

Не за что было любить наемников.

– Из Рима прислали деньги, – пояснил Егерь. – Много. Достаточно для того, чтобы каждый из ваших людей получил под свое начало Охотничий отряд.

Ловчий закрыл глаза. Командиры снова зашумели.

– Я сказал, – Егерь снова хлопнул ладонью по столу. – А вы, господа командиры, будете командовать десятками отрядами. Каждый из вас получит сейчас от моего помощника бумагу, в которой указано, куда и к кому надлежит всем вам отбыть. Жалованье, соответственно, увеличивается. Можете порадовать своих людей.

Свободны, сказал Егерь. И потом, когда все двинулись на выход, Егерь приказал Ловчему остаться.

– Недоволен? – спросил Егерь, когда они остались вдвоем.

– А это что-то изменит? – поинтересовался Ловчий.

– Нет.

– Тогда – доволен. До тошноты. Сами придумали, или в письме приказ пришел?

– А это что-то изменит? – спросил Егерь.

– Да, – сказал Ловчий. – Тебе в морду плюнуть или кому другому?

Егерь положил высохшие пальцы на мешочек с крестами.

– Старику в лицо? – спросил Егерь, помолчав.

– Сколько тебе было от роду, когда мы познакомились? – спросил Ловчий.

– Пятнадцать.

– А мне? – спросил Ловчий.

Егерь чуть улыбнулся. Потом покачал головой:

– Нечестно.

– Честно-нечестно, – проворчал Ловчий. – Я тебе предлагал снадобье?

– Предлагал, – кивнул Егерь.

– И куда ты меня послал?

– Повторить?

Ловчий стукнул кулаком по столу.

– Вот всегда так – и я не могу понять, отчего. Сволочь разная, узнав о возможности вернуть молодость и не стареть, на коленях ползает, норovit в задницу поцеловать, а нормальный... – Ловчий вздохнул.

– Мне некогда ползать на коленях, – сказал Егерь, – Мне воздастся после смерти. И я не хочу упустить свой шанс, заключая договор с дьяволом.

Свеча, стоявшая на столе начала чадить. Ловчий протянул руку и аккуратно снял нагар пальцами. Огонь потерялся о его пальцы щекой.

– А на упыря, значит, дьявола можно посылать, с крестом серебряным на шее? Можно? – Хотя – да, – кивнул Ловчий. – Ты прав. Лучше не рисковать. С другой стороны... Ты помнишь историю о том, как Иисус спускался в Ад и освободил всех, кроме святых и праведников? Не помнишь? Ну да, ее автора называли еретиком. Чуть ли даже не ересиархом...

Ловчий посмотрел в глаза Егерю.

– Не испугаешься?

– Я знаю тебя уже сорок лет, – еле заметно улыбнулся Егерь. – Ты – мое наказание. И мое испытание.

– Вот-вот, – подхватил Ловчий. – Когда Иисус вошел в Ад и сообщил всем, что дорога свободна и можно всем валить прямо на небо, грешники, слабые духом и податливые на соблазны, ломанулись дружною толпою. А хлебать жидкий огонь гордо остались праведники и святые, ибо заподозрили тут еще один соблазн лукавого, подлую провокацию и испытание. Конец истории.

– Святых в аду не было, – сказал Егерь. – И праведников...

– Не богохульствуй, – поднял указательный палец Ловчий. – Не нужно. Забыл, что ли, что до искупления все были обречены? Праведный, не праведный – будь добр за Стикс.

Егерь тяжело вздохнул. Ловчий кашлянул:

– Извини, увлекся. Зачем меня оставил? О молодости поговорить? Я ведь свой отряд распускать не буду. Должен же хоть один нормальный отряд остаться.

– Я знаю. Я даже знаю, где бы ты сейчас хотел оказаться, – Егерь взял мешочек со стола и повесил его себе на пояс.

– Ну-ка, ну-ка? – поинтересовался Ловчий.

– Если угадаю – просьбу мою исполнишь, личную?

– Чем поклясться?

– Просто согласись.

– Просто согласен.

Егерь встал, держась за поясицу, со стоном выпрямился. Его тень уперлась головой в потолок.

– Ты хочешь поехать к своему старому... старинному приятелю. На побережье.

– Твою мать, – лаконично выразил свое изумление Ловчий. – Пророческий дар открылся?

– Да ты, сколько помню, всегда к нему уезжал. Когда шкуру нужно было сменить – лет двадцать назад? – уезжал. Он тогда жил в горах. После того турнира, помнишь?

Ловчий улыбнулся. Турнир тогда получился знатный. Незабываемый получился турнир. После этого действительно пришлось исчезнуть, чтобы не вызывать расспросов и подозрений. И чтобы иметь возможность вернуться к Охотникам снова, когда старые командиры уйдут.

А в Отрядах его подменил Хозяин. Чтобы через несколько лет уйти, оставив по себе славу счастливчика и гуляки.

– Хорошо, – сказал Ловчий. – Давай личную просьбу.

– И приказ из Рима, – Егерь открыл сундук, стоящий у стены, достал шкатулку и со стуком поставил ее на стол перед Ловчим.

– Все-таки приказ из Рима, – Ловчий подвинул к себе шкатулку.

– Запечатано. Приказано – вскрыть только в замке Хозяина. Кстати, он что – теперь отхватил себе замок?

– Запечатано... Мама дорогая! Личная печать! Вскрыть только в замке! – щелкнул, обрываясь, шнурок. – Красиво написано! Умеют же люди!

Егерь ждал с каменным лицом. Вообще-то, Ловчего уже можно было забивать в колодки за нарушение приказа, но, во-первых, Ловчего уже один раз пытались заковать на глазах Егеря, во-вторых, Егерь прекрасно помнил, чем это закончилось, в-третьих, Егерь не любил повторять чужие ошибки. Ну а в-четвертых взаимоотношения Ловчего и его приятеля со Святой Церковью были отношениями сугубо личными и, на взгляд Егеря, странными. Но кого интересуют взгляды старого охотника на нечисть? Разве что самого охотника, да и то не всегда.

– Ладно, – сказал Ловчий, пряча свиток за пазуху, – это мы обсудим уже в замке. Ты чего хотел?

Егерь вздохнул, на лице вздулись желваки.

– Ты помнишь мою дочь? – спросил Егерь.

– Дочь? – задумался Ловчий. – Дочь... Конечно, помню!

Он действительно помнил девчонку. Охотники редко обзаводятся семьей. И некогда, и не хочется, чтобы какая-нибудь тварь отомстила детям за папину работу. Был такой случай.

О том, что у немолодого уже Егеря родилась дочь, Ловчий узнал одним из немногих. Милая такая девчушка. Они с Егерем проезжали через ту деревню, когда дочке было что-то около пяти лет. А сейчас ей уже должно быть... Что-то около шестнадцати лет. Взрослая уже. Не исключено, что уже года три как замужем.

– Я... – сказал Егерь и откашлялся. – Понимаешь... Это было совсем не похоже на всегда уверенного предводителя Отрядов. Таким Ловчий не видел его никогда. Разве что в тот день, когда они вошли в мертвый город, вычистили его от кровососов и обнаружили среди заброшенных домов две сотни детей. Дети копошились в закрытой церкви, а когда Охотники стали выводить их на улицу, девочка постарше, лет семи, попросила вдруг, чтобы ее не убивали, что она еще может давать кровь. И чтобы братика ее... тоже.

Как они тогда пожалели, что упыри уже мертвы!

– Моя дочь, – сказал Егерь. – Моя дочь... Понимаешь, я сам хотел. Понимал, что нельзя тянуть... И... Честно, ждал тебя. Твой отряд. Хотел попросить, чтобы вы помогли.

Левая щека Егеря дернулась. Казалось – это было невероятно – казалось, что он вот-вот заплачет. Огонек свечи отразился в его глазах. Егерь отвернулся.

– Я не знаю, как это получилось, – сказал Егерь дрожащим голосом. – Как... Она стала... стала оборотнем. Не знаю как... Укус... Сглаз... Колдовство... Не знаю. Год назад. Целый год назад, почти сразу после того, как я к ним приезжал. И моя жена... Она пыталась это скрывать. Пыталась прятать дочь. И мне ничего не написала, не передала... На что она надеялась?

Егерь ударил кулаком в бревенчатую стену. С силой ударил, будто это могло что-то изменить.

– Ты знаешь, как оно бывает с молодыми оборотнями... Сила, сила бродит по жилам, кажется, что это награда, что можно легко заглушить зов крови, можно оставаться человеком даже в шкуре. Даже в шкуре...

Ловчий это знал. Некоторое время они брали оборотней живыми, но не передавали епископу – раньше епископу такое требование и в голову не могло прийти, – а допрашивали. У них здесь, в Черном кресте, была серебряная клетка. И, прежде чем вымолить смерть, оборотни подробно рассказывали о своих ощущениях. О том, как пытались жить среди людей, как пытались утолять жажду крови зверьем, как потом понимали, что от них почти ничего не зависит... Оборотни очень выносливые твари, и приходилось становиться очень изощренным, чтобы заставить их разговариваться.

– А потом все вдруг сразу и всплыло. Я даже не знаю, что было бы лучше. Проходил отряд местного барона... И ведь, черт, знали же все, что мои – свободные. Что никто, даже барон не может им ничего приказать... Они пришли на постой, барон, оруженосец и паж. И потребовали... Жена попыталась уговорить... Все происходило во дворе, слышали люди. Дальше... Только когда послышались крики, люди бросились к дому. Она настигла оруженосца у самого забора. Наш сельский священник мне написал в письме. Большой черный зверь. Никто ничего и сделать не успел. Голова полетела в сторону, кровь вокруг... Люди шарахнулись, а она, дочка, бросилась в лес. Подбежавшие люди барона нашли в доме то, что от барона и от пажа осталось... И жену мою, живую. Она кричала, что дочь не виновата, что барон хотел сильничать...

Люди барона ее сожгли, в доме. И ушли. А дочь... Дочь осталась возле деревни. Священник пишет, что людей она не трогает, нападает на скот. Пока не трогает. Но для тамошних жителей корова – бесценный клад. Даже овца... Они собираются устроить охоту. Решили вызвать Отряд. Они не знают, кто я. Знает сельский священник. И он просит...

Снова удар кулака в стену. И снова. И опять. Удар. Капля крови ударила по столу перед лицом сидящего Ловчего.

– Они были готовы терпеть еще месяца два, не больше. Письмо долго везти ко мне. Вначале в город, потом епископу, потом пережидали распутицу... остался месяц.

Ты успеешь съездить в замок, решить там всё и добраться в мою деревню... Я уже написал письмо, тебя будут ждать.

– Ты хочешь, чтобы я ее вывез? – глядя перед собой на сучок в стене, спросил ровным голосом Ловчий.

– Я хочу, чтобы ты ее убил, – сказал Егерь. – Быстро, кик ты умеешь.

– Хорошо, – сказал Ловчий и встал из-за стола. – Я сделаю. Выеду прямо сейчас.

– Переночуйте, – неуверенно предложил Егерь.

– Дорога на побережье, там немного, а потом дорога туда... Не хочу попасть под февральские дожди. И так морозы что-то слишком долго. Снега такого я не видал в этих местах уже давно, – Ловчий попытался улыбнуться старику.

Тот стоял лицом к стене, будто рассматривал кровавое пятно на стене.

Левша будет ворчать, подумал Ловчий. И Гвоздь. Плечи Егеря вздрагивали.

– А как ее звали... зовут? – спросил Ловчий.

– Как тебя зовут? – спросил ее аббат.

Она теперь знала, что его нужно так называть. Ей сказала сестра. Всех женщин в монастыре, узнала она, нужно называть сестрами. Мужчин – братьями. А его – аббатом.

Зачем ему мое имя, подумала она. Мое имя осталось там, за воротами, от одного воспоминания о которых боль сводила тело.

В первые дни, когда луна все еще продолжала пытаться ее по ночам, казалось, что серебро на воротах – чтобы не позволить им отсюда уйти. Им. Она не одна здесь такая. Не одна. Не одна она сжимает голову руками, когда звучит колокол.

Но потом она увидела, что изнутри ворота серебром не покрыты. Просто дерево. И обычное железо. Каждый может уйти, поняла она. Просто отодвинуть дубовый засов и уйти. Когда не останется сил терпеть боль... Когда колокольный звон... Когда пропитанная серебром вода... Когда крест... Когда кровь, которую выливают в бадью у тебя на глазах...

Начинало казаться, что, как бы там, за воротами, ни было плохо, здесь еще хуже. Начинало казаться, что лучше вернуться туда.

Она видела, как бьется, закатив глаза и брызжа пеной, монашка. Монашка шла из коровника с деревянным ведром, когда ударил колокол. Монашка вскрикнула, запрокинулась и упала на мощный гранитными плитами двор. Потекло молоко из отброшенного ведра.

И никто не заметил. Двое монахов продолжали чинить дверь в столовую, другая монашка, несколько мгновений назад разговаривавшая с несчастной, прошла мимо, осторожно переступив белый ручеек.

Как зовут тебя, спросил аббат в то утро. Уже после того, как она стояла на коленях, пытаясь зажать уши, и смотрела на изгибающееся тело монашки. Так обнаруживают ведьм, вспомнилось тогда. Находят – и на костер.

Там, за воротами. Не здесь. Здесь никто не замечает этого. Здесь все это знают.

Ведьмы и оборотни. И упыри, которые выходят во двор, только надвинув капюшон. И надевают перчатки, когда выполняют работы по хозяйству. На четвертый день своего пребывания в монастыре она видела, как сучок разорвал такую перчатку. Прямо под лучами скупого зимнего солнца. Монах вздрогнул, топор выпал из руки, звякнув на камнях. Из дыры на перчатке показался дымок. Запах... Словно кислота, которой обрабатывают кожу в дубильнях. Еще пахло разлагающейся плотью. И дымом. Болью пахло и ужасом.

Упырь наклонился и поднял топор. Ему оставалось еще с десятков поленьев. И он их расколол. А потом аккуратно положил инструмент в ящик, что-то сказал другому монаху, который все это время продолжал работать, и ушел в здание.

Как тебя зовут, спросил аббат, человек, обрекающий всех их на муки. Единственный человек в этом монастыре.

Единственная власть в этих гранитных стенах, бывших раньше крепостью. Он хотел знать ее имя. Чтобы получить над ней власть? Ей когда-то говорила бабка, что нельзя открывать свое имя первому встречному. В имени – часть тебя, говорила бабка. Схватившись за имя, Он мочет вытащить всю душу.

Хотя... Какая душа у оборотней? Душа у упыря? У ведьмы? Они продают свои души, в обмен на...

Как тебя зовут, спросил утром второго дня аббат.

И она ответила.

– Мама звала меня Солнышко.

III

*Антихрист воссядет в храме Божьем, то есть в святой церкви,
муча и терзая всех христиан, и будет он возвышен и возвеличен, ибо в нем
пребудет сам Дьявол...*

Адсон из Монтье-ан-Дер

Жители Трех деревень были людьми осторожными. Время было трудное, по округе шаталось много всякого – от шевалье до швали. И каждый норовил что-то стибрить или урвать, или еще какую гадость совершить. Поэтому жители Трех деревень, выставя постоянные наблюдательные посты на побережье, не забывали о подходах со стороны суши. В бесчисленных деревенских преданиях рассказывалось о нападениях ужасных злобных разбойников, и даже чудовищ, совершенно нечеловеческих. Вот чтобы неожиданных гостей было поменьше, над дорогой, сразу за поворотом к Кладбищу за холмами, на Страж-скале, дежурили деревенские парни. Место было не столь ответственное, как на берегу, и на Страж-скалу выставляли обычно одного более или менее взрослого парня и двух-трех мальчишек.

Заметив что-то необычное, мальчишки бежали в деревни и в замок. Заметив что-то опасное, жгли сигнальный костер. В смысле – должны были жечь. Давненько не приближалась опасность с суши. С тех самых пор, как в Три деревни приехал Хозяин. Между прочим, деревенские жители точно и не помнили, сколько именно лет назад произошел тот памятный захват замка.

Кто-то говорил, что лет тридцать назад, кто-то – сорок. Рассуждая на эту тему, селяне как-то упускали из виду, что Хозяину на вид от силы лет тридцать. Селяне вообще воспринимали Хозяина как нечто данное... если не Богом, так судьбой. Деревенские священники ясно-сти в это дело не вносили.

Тот, который прибыл вместе с Хозяином, прожил в деревне недолго и куда-то уехал. Куда, зачем и, главное, надолго ли – никто толком и не помнил. Или даже не помнил вообще. На место уехавшего приехал новый, потом следующий, потом... Обычно святые отцы в Трех деревнях дольше пяти-шести лет не задерживались, и сколько их прошло перед равнодушными взорами селян за все это время, Три деревни даже не старались себе представить.

У них было море. Возле моря был замок. В замке был Хозяин. И даже если он уезжал на год-два, то обязательно возвращался. Это было незыблемо. Все остальное проходило мимо Трех деревень, не оставляя заметных следов и не вызывая особой печали.

Тот мертвый корабль на камнях, убитые на нем, и даже два погибших парня перестали занимать воображение жителей Трех деревень достаточно быстро. Почти сразу за похоронами пришло Рождество, которое в деревнях отмечалось шумно и, главное, долго. А нынешний священник, выполнив обязательные ритуалы, в веселье селян не вмешивался. И в сроках не ограничивал.

В этом году особенно, ибо все свое время посвящал изучению странной книги, найденной у ассасина. Крестьяне этого не знали, хотя казнь убийцы взбудоражила их значительно больше, чем все последние события. Не каждый день простой народ получал возможность пытать и казнить ближнего своего. Хотя и тут жители Трех деревень имели взгляды простые, значительно облегчающие восприятие мира. Люди – это они, жители Трех деревень. Все остальные... Нет, не звери, конечно, но так себе, живые существа. Может быть, даже и с душой. И вышибить при случае эту самую душу из враждебного тела было в Трех деревнях делом простым и понятным. Не до смерти, как говаривали старики, отправляя своих мужиков с обозом в ближний город. То, что драка получится при любом раскладе, обсуждению не подлежало. Ну как не набить

морду чужому. Даже пусть и в его родном городе. Чужой, да еще городской! Видали мы ваших городских. И – таки видали.

Даже не старые еще деревенские помнили, как приехали было в Три деревни люди от графа. Или от какого-то барона. В общем, от кого-то из знатных. И сообщили, что задолжали Три деревни подати, что полагается с них, помимо этого, работа в чьем-то замке, да еще требовалось выставлять одного вооруженного воина от шести домов, а еще...

Спорный вопрос разрешил Хозяин и, как говорили, его приятель, случившийся тогда в гостях. Что именно Хозяин говорил сборщикам налогов, никто не помнил, но то, что сборщики, сильно надеявшиеся на численный перевес и имя своего повелителя, из деревень ушли пешие, без оружия и в синяках, передавалось из года в год. И били их, по требованию Хозяина, по правилам. Старшему над ними, в золотых шпорах и с золотой цепью на шее, все объяснил лично Хозяин, ссадив его с коня и обломав его собственное копьё ему же о спину. Оруженосцу набил физиономию и ободрал доспехи, как кору с дерева, гость Хозяина. А ратников метелили всем миром, стараясь, однако, ничего особенно не повредить.

Очень было весело, рассказывали очевидцы и участники, а слушатели, молодые и охочие до развлечений, цокали языками и качали головами. Были же времена!

И вот, заметив к полудню выехавшую из ближнего леса кавалькаду, дозорные мальчишки оживились. Неужто и на их век выпало что-то забавное? Может быть, даже забавнее, чем корчащийся на колу сарацинский убийца.

Ехали по старой, чуть примороженной дороге, десятка три всадников. В середине колонны качалась на ухабах крытая повозка, а вот флага какого, или просто значка над всадниками не было.

За налогами приехали, выкрикнул запыхавшийся мальчишка радостно. И телега с ними!

В колокол звонить не стали. Длинного, который теперь стал кем-то вроде официального гонца в замок, деревенские отправили к Хозяину, а сами, не особо суется, стали извлекать из потайных мест колющие, режущие и рубящие предметы, в хозяйстве обычно не использовавшиеся.

Если бы ехавший в повозке посол из Рима знал, что ему готовят такую встречу, то тут же повернул бы обратно. Или остановился бы, не въезжая в деревни, а послал бы одного из своих людей в замок. Посол был человеком, далеким от таких грубых вещей, как меч или топор. Если кто-то уж очень мешал святой церкви или самому послу, то тогда можно было воспользоваться ядом. Изящно и красиво. В городе, среди цивилизованных людей, это работало безотказно. А как прикажете защищаться ядом на лесной дороге, когда десятка три каких-то мерзавцев попытались остановить повозку. Охрана немного отстала как раз, и только четыре всадника сопровождали посла непосредственно.

Было так страшно, что посол задернул занавеси на окнах повозки, сидел, зажав уши и шепча молитвы, до тех пор, пока дверцу не распахнул начальник охраны. Посол вначале чуть не потерял сознание, решив, что это разбойники покончили с охраной и теперь торопятся заняться им, а потом радостно улыбнулся, услышав, что охрана вовремя прибыла к месту стычки и теперь просит разрешения задержаться ненадолго, чтобы повесить пятерых взятых в плен.

Повозка и охрана проехали через Три деревни, не задерживаясь возле церкви, и остановились перед опущенным замковым мостом. На мосту стоял сельский парень, держащий шапку в руках. С некоторым достоинством дождавшись, пока передовой всадник подъедет поближе, Длинный, бормотавший перед этим для памяти свою речь, набрал воздуха в грудь и выкрикнул:

– Хозяин просит посла к себе в замок! Одного! А людям его приказывает выехать за холмы и ждать дальнейших приказаний!

Обветренное лицо начальника охраны побледнело, насколько это было возможно. У его помощника – наоборот, покраснело, приобретя пурпурный оттенок. Шаркнул меч, выезжая до половины из ножен. Двое охранников положили на тетивы луков стрелы.

Длинный поежился. Поручение Хозяина было, конечно, почетное, и было это поручение Хозяина, но схлопотать вот так стрелу в пузо...

Скрипнула, открываясь, дверца повозки. Начальник охраны оглянулся на выбравшегося из повозки посла. Вид у того был достаточно бледный – повозку с раннего утра швыряло на дороге похлеще, чем корабль в шторм. Кораблей посол не переносил. А провести в этой проклятой повозке пришлось почти три недели.

Посол постоял, опершись о повозку рукой, дожидаясь, пока окружающие скалы и замок перестанут покачиваться, а внутренности опять займут те места, которые им были предназначены Господом. Если дороги наносят ущерб созданию Божьему, то сие может означать только то, что дороги придуманы Врагом рода человеческого. Аминь.

Светило солнце. С моря тянуло холодной свежестью, но ветра не было. Кричали чайки. От лошадей поднимался пар. Начальник охраны выжидающе смотрел на посла. А посол глубоко дышал, ощущая радостно, что тошнота и головная боль куда-то уходят.

– Стойте здесь, – слабым голосом сказал посол. – Я поговорю со здешним хозяином.

– Хозяин сказал, чтобы к нему – один. Вы, – Длинный указал пальцем на посла, – Тот, кто в повозке. А остальные...

– Я один пройду в замок, – сказал посол. – А мои люди подождут здесь, пока я договорюсь обо всем с твоим господином.

– Хозяин сказал – один, а остальные...

– Где вы берете таких слуг? – спросил посол у Хозяина, когда, наконец, проблема была решена, охрану с повозкой впустили в замок, а сам посол оказался за накрытым столом в зале перед камином. – Этот ваш парень сказал, что не пустит никого, кроме меня... А, знаете...

Лицо Хозяина было неподвижно. Словно обожжено. Гладе смотрели холодно. Послу даже показалось, что враждебно.

– Вы привезли мне послание? – спросил Хозяин.

– Устное, – попытался улыбнуться посол, но скулы словно свело судорогой. – Я должен передать вам...

– Передавайте, – безразличным тоном произнес Хозяин.

Посол посмотрел на стол. Перевел взгляд на графин с вином. Снова посмотрел в глаза Хозяина и заставил себя выдержать его взгляд несколько мгновений.

О том, с кем именно придется говорить, посол знал. Во веяном случае, ему так казалось. Посол знал, но не верил. Пытался себя заставить поверить – и не мог. Как и всякий священник, к чудесам он относился настороженно. Чудеса – либо от Бога, либо... Понятно. В Священном писании ничего не сказано о некоем Хозяине, ранее Пилигриме, Сером всаднике и так далее и тому подобное, который лично почти тысячу лет назад заключил договор с Церковью.

Лично. Почти тысячу лет назад. И если он заключал договор с Церковью, значит, сам находился вне ее, а это значило... Сохрани и помилуй нас, Господи!

– Я проголодался с дороги... – сказал самым смиренным тоном посол. – И, если вы не будете возражать...

Спорить с этим Хозяином не хотелось. Даже разговаривать с ним, дышать одним воздухом, вкушать с ним за одним столом – было грехом. То, что перед отправлением в путь послу отпустили все возможные в этом путешествии грехи, успокаивало не слишком сильно. Посол боялся соблазнов. Не успеешь оглянуться, а дьявол уже поджарил твою душу до румяной корочки и с аппетитом похрустывает ею. А соблазн был...

Когда разговариваешь с тридцатилетним мужчиной, который на самом деле прожил минимум десять веков, не состарясь ничуть, очень хочется спросить... Выяснить, нельзя ли и самому обрести такое же долголетие. Не продавая душу дьяволу, торопливо добавлял посол мысленно, думая об этом. И пугало то, что не было в этой последней фразе уверенности. Ой не было...

– Хорошо, – сказал Хозяин. – Угощайтесь. Только придется самому себя обслуживать – в замке нет слуг. Повариха уже ушла. Я бы предпочел, чтобы и ваши люди убрались подальше, но разговор действительно предстоит долгий, за холмами ваша охрана в самом деле вымерзла бы ночью, а в деревни я предпочитаю чужих, особенно вооруженных, не пускать. Всё целее будут. Сейчас, правда, слишком много посторонних ушей и глаз в замке...

– Мои люди будут вести себя хорошо, – заверил посол. – Будут вести себя осторожно.

Снизу, из нижнего зала, послышался лязг металла и чей-то басовитый выкрик. Двери залов и расстояние заглушали голос, но все равно было слышно, что некто выражает горячее неодобрение по поводу небрежности своего товарища по оружию, который, его мать, господу бога, в душу, будь он проклят, глаза таким выбивать нужно, сволочи гребаной, дерьму, шпигованному серой, дьявол меня побери!..

Посол тяжело вздохнул.

– Ладно, – сказал Хозяин, – ничего.

Он знал, что посол должен прибыть. Знал, что разговор должен состояться. Знал, что ничего тут не поделаешь, но как ему хотелось остаться сейчас одному!

Вот уже почти неделю Хозяин не мог уснуть. Он привык спать, хотя, в принципе, мог без этого обходиться. Но сейчас он спать не мог. Стоило только закрыть глаза, как снова он оказывался на тропинке между застывших воли.

Солнечные блики скачут перед глазами. Под ногами еле слышно хрустит пыль. Впереди... Впереди – корабль. И как только он добрался досюда? Эта жалкая посуда... Чуть дальше видны мачты второго. И слышен крик... Его заметили с корабля... Это должно было потрясти – он шел по воде, аки посуху. По сухой воде. По стеклу... А потом – кровь... Не мир принес я вам, но меч... Крики. Смерть. И смех стоявшего за спиной Громовержца. Он смеялся как сумасшедший. Словно бешеный. И Хозяин не слышал ничего, кроме этого смеха... А когда все закончилось, когда перестал кричать последний из мореходов, Громовержец вдруг сказал:

– Отвел душу?

Хозяин не ответил, стоял, опершись о борт и глядя на сверкающие гребни волн.

– Ты зачем их всех резал? – спросил Громовержец. – Просто пробил бы дно, разнес бы в щепу лодки... А я потом снова сделал бы воду жидкой. И всё. И концы – в воду. Они ж плавать не умеют. А если и умеют, то в этой воде продержатся всего-ничего...

– ... просто ужасно, – сказал посол.

– Отчего же, – ответил Хозяин, – обычно они готовят неплохо...

И только заметив недоумение на лице посла, Хозяин понял, что упустил нить разговора.

– Я говорил о своих поварах, – сказал Хозяин.

– А... Да, действительно. Очень вкусно. Не скажешь, что это готовили сельские жители. И эти специи... Стоят безумных денег, я полагаю.

Хозяин пожал плечами.

– Но я говорил не об этом. Я говорил о нашем мире. О том, как заполняют его силы Врага. Входят в каждый дом, в каждый город... Я недавно вернулся с Юга. Вы себе даже представить не можете...

Хозяин рассеянно кивнул. Это посол себе не может представить, что доводилось видеть Хозяину, и как часто он слышал слова о гибели мира и необходимости борьбы. Даже сам он когда-то такие слова говорил. И ему даже показалось, что он спас мир. Тогда. Тогда спас. И тогда показалось, что спас. Ты вначале спасаешь мир, а потом всю оставшуюся жизнь муча-

ешься одной мыслью – а было ли это спасением? Или ты только отсрочил конец. Или сделал его еще более ужасным.

– Они используют святое писание, – воскликнул посол. – Они называют себя чистыми, а толкают людей в грязь. В бездну...

– В геенну огненную, – подсказал Хозяин.

– Да. И как, по-вашему, может разобраться в этом простой человек, если даже святые отцы на диспутах бывают повержены, – посол забыл, кто сидит напротив него за столом.

Посол помнил обиду и бессилие, которые недавно испытал. Церковь, заполненная людьми, епископ в полном епископском облачении и стоящий перед ним старик* одетый в простую белую одежду. И крики толпы, приветствующей слова старика, и свист в ответ на слова епископа. И кровь, пролившаяся после этого...

– Как может разобраться простой ремесленник, – сказал посол, – если ему говорят, что Бог не создавал нашего мира. Что Бог совершенен и всякое его творение совершенно. И если наш мир несовершенен – а это испытал на себе каждый – то, значит, создал его не Бог, а дьявол.

Только душа может быть совершенна, а это значит, что ее создал Бог. И, значит, Ветхий завет не святое писание, а рассказ о деяниях дьявола... Только Евангелие... И то извращенное...

Хозяин снова кивнул.

Такое он уже тоже слышал. Давно. Все это началось перед самым Договором. Только-только у христиан появился шанс. Языческие боги готовились уйти. Не хотели, но готовились, потому что им, Хозяину и Ловчему, удалось их уговорить.

– Плоть от дьявола, душа от бога. А змий – спас Адама из заточения в раю, который был только тюрьмой, похожей на рай небесный, – посол доел цыпленка и перешел к рыбе, не забывая все это запивать вином. – И эта зараза ползет от города к городу, от деревни к деревне. И если бы только простолюдины... Благородные рыцари и даже граф!.. А тут еще упыри и оборотни, ведьмы и предсказатели... Близится последний день!

Посол возвысил голос, подавился и закашлялся. Торопливо запил вином.

– Огнем и мечом, – откашлявшись, просипел посол. – Выжечь скверну. Уничтожить. Ересь, нечисть, наемников... Вы, кстати, знаете, сколько наемников сейчас бродит по дорогам от замка к замку, предлагая свои мерзкие услуги? Более двадцати тысяч! Этого войска хватило бы для того, чтобы снова освободить Иерусалим. А вместо этого их нанимают, чтобы убивать христиан. Некоторых из этих наемников посвящают в рыцари и дают им высокие должности... Святая церковь пытается остановить все это, пытается прекратить это безумие... Был наложен запрет на арбалеты и луки в войне против христиан. И что, его выполняют?

– Даже в вашем отряде я видел лучников, – подсказал Хозяин.

– Кто нападает на ближнего своего, да еще на священнослужителя, тот не христианин, и может быть поражен стрелами, как лучными, так и арбалетными, – парировал посол. – Мы вводим Божий мир, и что же? Что?

– Что?

– Вы знаете... знали замок Ворона, дальше по побережью, на юг?

– Проезжал как-то...

– Его взяли и сожгли в прошлую Пасху. В Страстную пятницу, – посол даже отодвинул блюдо. – И никто, даже тамошний духовник, не избег смерти от железа или огня. Уничтожить.

– Что? – спросил Хозяин, – Или кого?

– Всех, кто не с Богом. И тех, кто сомневается. И тех, кто прикрывается именем Его, не испытывая страха. И тех, кто помогает им. Кто бросает вызов Богу...

– И тех, кто заключает с ними договоры, – подхватил Хозяин.

– И тех, кто заключает... – посол увидел что-то в глазах Хозяина и запнулся.

С договорами его собеседник поймал. Дьявол.

– Пожалуй, – сказал Хозяин, вставая из-за стола, – сегодня мы не будем разговаривать о деле, Я слишком устал, вы – слишком возбуждены. Ваша спальня – внизу, возле зала, в котором отдыхают ваши люди. Предупредите их – сортир во дворе, на стене в сторону моря. Я иногда гуляю по ночам. Если кого-то встречу на втором этаже башни – лишу жизни. Оторву голову или выпью кровь – придумайте сами. Но тут я шутить не буду.

Посол вытер руки о скатерть и встал из-за стола. Не прощаясь, пошел к двери.

– И еще одно, – сказал ему вдогонку Хозяин, – если кто-то из них увидит ночью что-то странное или даже страшное – пусть не пугаются, а скажут, что я это странное или страшное жду у себя.

– Дьявол, – прошептал посол очень явственно.

– Нет, – сказал Хозяин. – Не дьявол. Просто среди моих знакомых есть несколько богов.

Посол торопливо вышел из зала, откинув свисающий с потолка ковер. Нужно быстрее здесь все сделать и уезжать, подумал посол.

Нужно здесь быстрее все сделать и ехать дальше, подумал Ловчий, разглядывая дорогу к деревеньке, так неудачно лежащую между реками. Мосты были за деревенькой. А перед ней, поперек дороги, высилась толково срубленная засека.

За засекой время от времени мелькали какие-то силуэты, но так стремительно, что прицелиться в них времени не было.

– Опять война? – ни к кому не обращаясь, сказал Левша.

– Вам тут чего надо? – закричал, набегая, пехотинец в черном плаще. – Проваливайте.

– Черное с белым, – сказал тихо Гвоздь, подъезжая сзади к Ловчему. – Вон, флажок.

– Езжайте, – пехотинец с деловым видом протянул руку к узде коня Ловчего, намериваясь схватить и развернуть.

Ловчий не пошевелился. Раздался удар, хруст кости и крик валящегося на землю пехотинца.

– А больше не будет хвататься за чужих коней, – сказал удовлетворенно Стук, поигрывая дубинкой, которую всегда возил с собой.

Выдолбленная изнутри и залитая свинцом палка в полсажени длиной отлично работала в таких вот ситуациях.

– И воевать больше не будет, – сказал Левша. – Ты ж ему локоть сломал.

Впереди началась суeta.

Кто бы ни командовал отрядом, понять, что оказаться между засекой и неприятельским отрядом равнозначно смерти, было просто. Из лесу на дорогу выбежали десятка три пехотинцев в черных плащах и выстроились стеной, лицом к засеке. Полтора десятка всадников в черном развернулись навстречу Охотничьему отряду.

Пехотинец со сломанной рукой поднялся на ноги, продолжая выть от боли. Ловчий взял беднягу за шиворот, за кольчужный капюшон, и приподнял в воздух. Тронул коня, держа оружие от страха и боли вояку на вытянутой в сторону руке. Остановился в десятке шагов от черных всадников.

Лица напряжены, копья подняты остриями вверх. Все загорелые нездешним, черным загаром. Вооружение явно не парадное, побывавшее в боях.

Ловчий слегка помахал пехотинцем.

Охотничий отряд довольно заржал. Любили они, когда командир так шутит.

– Здесь только сержанты, или есть кто-то из святых братьев? – спросил Ловчий.

– А кто спрашивает?

Из лесу выехал рыцарь в белом плаще с красным крестом.

– Значит, и святой брат тут, – кивнул удовлетворенно Ловчий. – А не соблаговолит ли любезный рыцарь Храма побеседовать со мной.

Ловчий еще пару раз качнул сержанта, словно намереваясь его швырнуть, но потом поставил аккуратно на дорогу. Снег уже три дня как сошел, оставив после себя грязь. Наступивший февраль отказывался выполнять обязанности зимнего месяца. Впрочем, в этих краях зима обычно не суровая.

Сержанта замолчал и побрел к своим, продолжая стонать и придерживая руку.

Конный строй раздвинулся, пропуская рыцаря. Белый плащ был потерт, крест почти потерял свой цвет, кольчужный капюшон сдвинулся назад, открывая длинные спутанные волосы и окладистую бороду. Рыцарь был немолод. И на лице его тоже был пустынный загар.

– Недавно из Святой земли? – спросил Ловчий, хотя это и так было понятно.

– А кто тебе дал право расспрашивать рыцаря Храма, словно ты равен ему? – холодно осведомился храмовник. – И какое ты имеешь право наносить раны сержанту Ордена Храма?

– Так, – почесал бровь Ловчий. – Ты уже решил, что будешь драться, или еще хочешь все выяснить без потасовки?

Рука храмовника легла на рукоять меча. Но не извлекла его из ножен. Хороший признак.

– Тогда – по порядку, – сказал Ловчий. – Во-первых, – крест.

Он вытащил из-под одежды свой серебряный крест. Показал его рыцарю. Рыцарь чуть кивнул, давая понять, что такое украшение ему знакомо.

– Во-вторых, – Ловчий сунул руку в седельную суму и достал свои золотые шпоры и рыцарскую цепь. – Надеть, или так поверишь? И в-третьих.

Пальцы Ловчего на правой руке сложились в знак, потом в другой. На тайном языке знаков ордена Храма это значило, что человек обладает властью, близкой к власти командора ордена.

Храмовник посмотрел на Ловчего немного удивленно. Но возражать не стал. Дисциплина в ордене была на высоте.

– Так что тут у вас случилось? – снова спросил Ловчил.

А случилась вещь совершенно обычная. В деревне, перекрывавшей проход к мосту, жила ведьма. Ведьма эта лечила людей, скот, снимала порчу, если таковая объявлялась. Люди от ведьмы видели только хорошее, деревенские вообще в ней души не чаяли, да и чужие приезжали, чтобы полечиться.

Но три месяца назад епископом был отдан приказ собрать всех ведьм, колдунов и прочих, якшающихся с дьяволом. Других ведьм и колдунов еще нужно было собрать, а эта, из Речек, была известна хорошо. За ней приехали. Монах и четыре лучника. Жители Речек вышли им навстречу с дрекольем, вилами и топорами. Лучники уехали, силой забрав с собой заупрямившего монаха.

После рождества прибыл другой отряд, побольше, в три десятка конных лучников. Но, во-первых, засека уже была построена, во-вторых, лучники были из местных, ведьму эту знали и особым желанием везти ее на епископский двор не горели. В-третьих, оказалось, что мужики где-то разжились десятком арбалетов. Лучники из селян, понятное дело, никакие. А вот из арбалета точно выстрелить может даже пацан. Если сможет зарядить или получит уже заряженный.

В общем, лучники вернулись ни с чем, и епископ понял, что, если он не хочет быть опозоренным, нужно принимать меры. Нужен отряд чужой, с ведьмой не знакомый и достаточно опытный, чтобы мог наплевать на эти самые арбалеты, будь они трижды прокляты. Очень кстати тут подвернулся отряд тамплиеров, возвращавшийся из Святой земли. Сколько храмовники запросили за услугу, осталось тайной между ними и епископом, но отряд прибыл к Речкам с твердым намерением селян победить. Не Акра, чай, эта деревня.

Вот перед самым началом штурма и подоспел Ловчий со своими людьми.

– Твою мать, – честно сказал Ловчий. – Это что, мне еще три дня терять из-за вашей войны? У меня времени нет.

– Мы возьмем эту деревеньку к закату, – сказал рыцарь. – Расстреляем тех, кто охраняет засеку, расчистим дорогу, а там, в конном строю будем гнать...

– Малой кровью, могучим ударом, – усмехнулся Ловчий, – И к вечеру напоим своих коней из деревенского колодца. Хрена вам, благородный рыцарь. Вы, ка-анечна, постреляете по засеке и, может быть, даже кого-то убьете. Пока вы станете расчищать дорогу, пару-тройку ваших арбалетчики положат, как бы они ни береглись. Видал я такие фокусы. Берется два сопляка по десяти лет, вручается им один арбалет на двоих. Они его на пару заряжают. Вот такие пары сопляков прячутся в лесу, на деревьях или между корнями. Это вам не лучники, им, чтобы выстрелить, вставать в полный рост не нужно. И – щелк. Щелк. Главное, выбивать у вас рыцарей. А их у вас только один. Ты. Хочешь после стольких лет в Святой земле схлопотать болт между лопаток?

– Я не боюсь! – гордо вскинул голову рыцарь.

– А я и не говорю, что ты боишься. Я говорю, что убьют тебя, к хренам собачьим. И если не ляжешь ты возле этой засеки, то напорешься на вторую. Или третью. Деревьев в лесу много, ходить далеко не нужно. А вправо и влево от дороги – топь, я знаю, до самых рек, – Ловчий снова почесал бровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.